

Ю. Лугин
(Лукин Юрий Леонидович)
Lugin4@Ya.ru
+7 950 040 95 16

АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ ЕДЕТ В АМЕРИКУ

школьная история в 2-х действиях

Руки попросит душонка в истерике,
Но ветка черная будет молчать.
Аркадий Иванович едет в Америку
Желает вам, господа, не скучать!

А. Непомнящий.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В и к т о р, десятиклассник
С в е т л а н а, десятиклассница
А л ь к а, одноклассница Виктора
Н а с т я, одноклассница Виктора
С а ш к а, одноклассник и лучший друг Виктора
Л е н к а, одноклассница и подруга Светланы
В а л е т, одиннадцатиклассник
М и т р и ч, учитель литературы
У ч е н и к и, они же на вечере «Сударь и сударыня»:
 «**Б е к к и Т э т ч е р**»
 «**Т о м С о й е р**»
 «**С о ф ь я Ф а м у с о в а**»
 «**Ч а ц к и й**»
 «**Б а з а р о в**»*

**) роли без слов. Вводит их в спектакль или нет – на усмотрение режиссера.
Ю.Л.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1

В и к т о р (*выходит на освещенную авансцену*). Интересно, сколько человек в школе «Преступление и наказание» прочитали? Я летом после девятого пробовал. На пятьдесят страниц хватило. Тот еще депрессняк. Герои – ни одного нормального, каждый по-своему вольтанутый. Читаешь, и крыша в натуре едет. Про старуху вообще такой треш, что Аринку на первом же уроке по Достоевскому конкретно на истерику пробило: «Не буду я про этого уroda с топором читать! Противно, а я, между прочим, в Бога верю!» Меня тогда Митрич удивил. (*Измененным голосом.*) «Тебя понять можно, Осташкова, но роман ты не читала и думаешь о нем, как о книге про заурядного преступника, пьяницу или наркомана, к которому ты по своей воле близко не подойдешь. Раскольников другой. Он из тех, кому ты во всем поверишь и никогда его в готовности совершить убийство не заподозришь. От таких у вас другой защиты нет, кроме понимания, что они из себя представляют и откуда берутся...» (*Своим голосом.*) В общем, из-за Митрича я роман все-таки прочитал. Ну, если честно, не только из-за Митрича...

Сцена освещается.

Школьный кабинет литературы, вернее, его часть: три-четыре парты, портреты классиков на стене, учительский стол, класная доска и входная дверь рядом.

В и к т о р. Это был первый день, когда я пришел в школу после трех недель болезни. Угораздило же на зимних каникулах с воспалением легких в больницу загреметь... (*Садится за последнюю парту, готовится к уроку и что-то пишет в потрепанном блокноте, высунув от усердия язык и шевеля губами.*)

Выходят Н а с т я и А л ь к а.

Н а с т я. Витька, привет! С выздоровлением!

В и к т о р (*отстраненно*). Привет.

Настя и Алька располагаются за соседней партой перед партой Виктора.

Постепенно оставшиеся места занимают ученики.

Н а с т я. Бледненький какой! Слабенький! Губенками плямкает...

А л ь к а. Не спугни – его, кажется, муза посетила...

В и к т о р (*торопливо закрывает блокнот*). Это нервный тик. Осложнение после болезни.

Н а с т я. Возьми направление к невропатологу.

В и к т о р. А может, сразу к психиатру?

Н а с т я. И к психиатру возьми обязательно. И вообще я почему-то думала, что ты давно у психиатра на учете.

В и к т о р. Увы, придется. Я действительно иногда бываю не совсем адекватен. Особенно когда ты рядом.

Н а с т я. А причем здесь я?

В и к т о р. Понимаешь, Настя, кажется, у меня гормональный взрыв...

Н а с т я. Ничем помочь не могу, извини! Ты не в моем вкусе.

А л ь к а. Тебе повезло: день сегодня для твоих гормонов подходящий.

В и к т о р. Да ну?! Интересно, а почему именно сегодня? Или я чего не догоняю?

А л ь к а. Плакат в вестибюле видел? «В день Святого Валентина, поздравляем всех влюбленных».

Виктор. То-то, смотрю, цирк в школе. Клоуны какие-то ряженые бегают...

Алька. Посланники Амура. Через них можно передать валентинку тому, кто тебе нравится. Достаточно ник по бейджику указать, кому и от кого.

Настя. Вот такой, например. *(Показывает Виктору бейджик.)* Для тех, у кого гормоны, самое то! Главное, на видное место нацепить... *(Прикрепляет бейджик на блузке.)*

Виктор, ахнув, подается вперед и, приоткрыв рот, смотрит на Настю.

Чего глаза выпучил?

Виктор. Никак ты передумала? Про «самое то» - это предложение? Вообще-то ты тоже не совсем в моем вкусе, но я подумаю...

Настя. Раскатал губу! Да я с тобой...

Виктор *(поднимает руки)*. Понял. Осознал. Больше не буду!

Алька *(достает из сумки красную повязку)*. На, держи лучше, трепло! Вовремя выздоровел – наш класс на этой неделе дежурный по школе.

Виктор. Тогда я с Карпинским, как обычно, в узкой рекреации на втором этаже?

Алька. Договорились. Для тех, у кого гормональный взрыв и нервный тик, узкая рекреация - самое подходящее место за порядком бдить. Порядок там почти всегда идеальный, только вы уж с Карпинским не сачкуйте, бдите как следует. Ок`а?

Виктор. О йес! *(Надевает повязку на левую руку.)*

Звонок.

Запыхавшись, в класс вбегает Сашка и с разбегу плюхается рядом с Виктором.

Сашка. О, Витторио! Прива, чел! Мне тут походу для тебя валентинку втюхали, и я понял, что ты в школе. *(Кидает на парту перед Виктором сложенную записку.)*

Виктор *(рассматривает валентинку)*. «Торопову Виктору». Вот бы пробить, от кого?

Сашка. Мне мелкий в колпаке с надписью «Почта» передал...

Виктор. Нашел! *(Читает.)* «Сто девятнадцать, двадцать восемь, ноль сорок девять, двадцать пять...» Не понял?! *(Пожимает плечами и убирает валентинку в карман.)*

Сашка. Фирма тайну переписки гарантирует. Ты вообще как?

Виктор. Как видишь – жив, здоров и даже готов грызть граниты наук.

Сашка. Ой ли? Скажи еще, типа к уроку готовился?

Виктор. У меня отмазка: я болел.

Сашка. С Митричем отмазки не прокатывают. Только бы меня, ешкин кот, не спросил. Что-то мне Достоевский влом...

Виктор. Не парься раньше времени. Спросит так спросит, нет так нет. *(Достает смартфон и наушники, один передает Сашке, другой оставляет себе.)* Послушай лучше - как раз в тему...

Оба слушают через наушники музыку, которую слышат все:

Ваши вещи беру на хранение,
Чтоб иметь с ваших душ дивиденды.
Я стара, но ко мне, тем не менее,
Иногда даже ходют студенты...*

Сашка. Вау! Супер! *(Закрывает глаза и раскачивается в такт музыке.)*

В класс быстрой походкой входит Митрич.

Все встают, кроме Виктора и Сашки.

М и т р и ч (*Виктору*). Тс-с! (*Отбирает у него наушник и прикладывает к своему уху.*)

Был вчера тут один,
Всё глазел, как шпиён,
Нечто прятал, бродяга, подмышкою.
Ну, а я ему в лоб:
«Мне топор не нужён, -
Лучше сбегай, дружок, за сберкнижкой...»*

*) » гр. «Зимовье зверей». «Куплеты старухи-процентщицы».
Музыка К. Арбенина и А. Петерсона, слова К. Арбенина

С а ш к а (*замечает Митрича*). Ой! Извините, Максим Дмитриевич! (*Срывает наушник, встает*).

М и т р и ч. Извиняю. Уж больно песенка подходящая. И наверняка написанная теми и для тех, кто со школьной скамьи знаком с гениальным творчеством Федора Михайловича Достоевского... (*Отходит к школьной доске и обращается к классу.*) Приветствую вас, красавцы и красавицы! Садитесь.

Все садятся.

Запишите тему урока «Двойники Раскольников в романе «Преступление и наказание»... (*После короткой паузы.*) Записали? И наш разговор о двойниках начнет... Алия Кабирова!

А л ь к а (*встает и отвечает, заглядывая в тетрадь*). В рамках метода фантастического реализма, в произведениях Федора Михайловича Достоевского огромную роль играют второстепенные персонажи, в характере которых отражаются черты, присущие главным героям. Их можно условно назвать двойниками, потому что благодаря им точнее раскрывается идея романа. Двойников мы видим и в окружении Родиона Раскольникова, и в окружении Сони Мармеладовой...

М и т р и ч. Достаточно. Право назвать их поименно предоставляется... Александру Карпинскому.

С а ш к а (*Виктору шепотом*). Так и знал, что меня спросит! (*Горестно вздохнув, встает*). Ну, к двойникам Раскольникова относится... этот... как его... Разумкин?

В и к т о р (*шепотом*). Разумихин, чучело!

С а ш к а (*Виктору, шепотом*). Чучело?

В и к т о р. Ты чучело! А Разумихин – просто Разумихин.

С а ш к а. Сам ты чучело! (*Митричу.*) Извините, я оговорился... Разумихин.

М и т р и ч. И кто еще?

Н а с т я (*подсказывает*). Лужин!

С а ш к а. Лужин...

В и к т о р (*шепотом*). Свидригайлов!

С а ш к а. Свидригайлов...

М и т р и ч. И какую же роль играют Лужин и Свидригайлов в сюжете романа?

Сашка обреченно молчит.

И все-таки как-нибудь охарактеризуйте их, юноша. Хотя бы одним словом!

С а ш к а (*встрепенувшись*). Одним словом могу! Все они подонки, однозначно!

М и т р и ч (*вздыхает*). Садитесь, юноша...

Сашка с облегчением садится.

Выдвинутый предыдущим оратором тезис развить попытается... Торопов Виктор.

В и к т о р. Картина Репина «Приплыли» в картину Репина «Не ждали». *(Встает.)* Повторите, пожалуйста, вопрос, Максим Дмитриевич.

М и т р и ч. Повторяю. Извольте, сударь, на примере одного из поименованных *мсье* Карпинским подонков, исключая Разумихина, естественно, объяснить, как они помогают читателям правильно понять и оценить характер Раскольникова и сущность его теории.

В и к т о р. Извините, но я первый день после болезни и...

Н а с т я *(с места)*. Он еще не до конца выздоровел. Губенками плямкает!

М и т р и ч. Да?! *(Виктору.)* В таком случае, примите, юноша, мои соболезнования. И хотя у вас, не обремененного физикой и прочей математикой, была уйма времени познакомиться с гениальным романом, чем, как мне кажется, вы вряд ли воспользовались, ответьте всего лишь на один вопрос. Скажите, что вам показалось наиболее удивительным и непонятным в этих героях, чем они, может быть, вас поразили?

В и к т о р *(украдкой заглядывает в смартфон.)* Вот Свидригайлов, например. Как можно называть подонком того, кто совершил больше добрых дел, чем все прочие герои романа вместе взятые?

М и т р и ч. Bravo, Торопов! Но если Свидригайлов, ставший причиной смерти Марфы Петровны и доведший насмешками до самоубийства слугу, не подонок, то он кто?

В и к т о р. Не знаю... Можно я подумаю и отвечу как-нибудь потом?

М и т р и ч *(с пародийной интонацией)*. Заметьте, не я это предложил! *(Виктору.)* Садитесь, юноша.

Виктор садится.

М и т р и ч *(поставленным учительским голосом)*. Итак, красавцы и красавицы, «двойники» в романе – важнейшее доказательство тому, что теория, оправдывающая преступление, преступна. Потому что жить и процветать по этой теории могут лишь законченные подлецы, наподобие Лужина. Ведь даже Свидригайлов, не будучи законченным подлецом - о чем весьма справедливо изволил заметить *мсье* Торопов, - не выдержал и покончил с собой...

Затемнение.

Урок продолжается учительской лекцией, но Г о л о с М и т р и ч а слышен из темноты и приглушается, когда звучат другие реплики.

Освещаются парты Виктора с Сашкой и Альки с Настей.

В и к т о р. Во, блин, попал! Дался мне этот Свидригайлов...

С а ш к а *(передразнивает Митрича)*. «Заметьте, не я это предложил!»

В и к т о р. Ну да. И не соскочишь. Теперь соскочить – себя не уважать...

Г о л о с М и т р и ч а. Обратите внимание также и на господина Разумихина. Его разум ограничен высоким нравственным чувством, то есть не подвержен играм, порождающим чудовищ...

С а ш к а. Да уж, конкретное попадалово!

А л ь к а *(оборачивается)*. Слушайте, достали уже! Урок идет, а вы своим бла-бла мешаете!

Какое-то время все молчат и слушают Митрича.

Г о л о с М и т р и ч а. И самым внимательным образом посмотрите на господина Лебезятникова. Это типичный резонер, не умеющий думать самостоятельно, но идущий на поводу у модных тогдашних теорий. Будучи рабом идеи, подобно Раскольникову,

Лебезятников в самый последний момент освобождается от нее и поступает по естественному велению души, оказавшись свидетелем подлости Лужина...

С а ш к а. Слушай, Витторио, а ты в конкурсе «Сударь и сударыня» участвовать собираешься?

В и к т о р. А это что еще за хрень?

С а ш к а. Мероприятие к 23 Февраля. Нужно подготовить сцену объяснения в любви из литературного произведения. Мне кажется, есть смысл вписаться. Только не знаю, с кем и какую сценку выбрать. Не подскажешь?

В и к т о р. Признание Базарова Одинцовой. Митрич будет в экстазе. Предложи Альке – ей Одинцову сыграть как нефиг делать.

С а ш к а. Не, там слов слишком много...

В и к т о р (*усмехнувшись*). Тогда «Отелло».

С а ш к а. «Отелло»? Которое расвирепелло и задушило Дездемону?!

В и к т о р. А что? Ты - вымазанный сапожным кремом, в белой простыне, Алька - в пеньюаре, на кровати. Ты подходишь, говоришь: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» - начинаешь ее душить, а она красиво бьется в конвульсиях, эротично взмахивая ногами...

С а ш к а. Круто! Балшойе сепсибоу, дарагой таварисч! (*Толкает в спину Альку.*) Алька, ты про Дездемону наши бла-бла слышала? Как тебе эту тему на конкурсе замутить?

А л ь к а. Мне больше про Одинцову зашло. (*Скосив глаза, кивает на Настю.*)

С а ш к а (*толкает в спину Настю.*) Настя, Дездемоной будешь?

Н а с т я. Буду!

С а ш к а. Забито! (*Вытягивает руки и касается Настиной шеи.*) Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Н а с т я (*отбрасывает Сашкины руки*). Только без этого... Без пеньюара!

В и к т о р. Как?! Совсем?!

Н а с т я. В халате, идиот!

В и к т о р. Уф! А я уж было подумал...

Н а с т я. Все вы одинаковые, только об одном думаете!

В и к т о р. Зря ты так думаешь... Кстати, о чем?

Н а с т я. Нет, Торопов, ты точно идиот!

С а ш к а (*Виктору*). Слышал, да? Так что завязывай – нефиг тут всяким идиотам над моей Дездемоной прикалываться! И ты, между прочим, не ответил: вписываешься или как?

В и к т о р. А зачем мне это? Да и не с кем.

С а ш к а. Так уж и не с кем?

Виктор не отвечает.

С а ш к а. (*Декламирует.*)

Моя любовь проходит мимо,
Как стороной проходит дождь;
Она Ее не опалила -
Что не горит, не подожжешь...

В и к т о р (*усмехнувшись*). Это цикл я назову «Из ранних».

С а ш к а. Мне твое самое первое больше понравилось: «Тот любит искренне и нежно, кто любит с болью, безнадежно»...

В и к т о р (*открывает свой заветный блокнот*). Сегодняшние. Только... (*Кивает на сидящих впереди девочек и прикладывает указательный палец к губам.*)

С а ш к а (*придвигает блокнот и, приглушив голос, читает*). «И сам себе сдавал я мелочью с рубля...» Блин, как все запущено! Осталось только прослезиться... Ладно, конкурс

конкурсом, но валентинку хотя бы ты можешь подписать? У меня несколько чистых есть...
(Хлопает по нагрудному карману и приподнимает из него стопку валентинок.)

Виктор. Уговорил. (Берет у Сашки валентинку.) В любой другой день не прокатило бы, а сегодня... (Что-то пишет и передает валентинку Сашке.)

Сашка (читает). «Я счастлив тем, что есть на свете ты»... А от кого, здесь не указано.

Виктор (после кроткой паузы). Дай сюда! (Подписывается и возвращает валентинку Сашке.)

Сашка (читает). «Свидригайлов, Аркадий Иванович...» Супер! (Убирает валентинку.)

Голос Митрича. Не забудьте также и про говорящие имена и фамилии героев. У Достоевского ни одна деталь не бывает случайной. Лебезятников лебезит перед модными идеями. Соня Мармеладова – спящая, еще не разбуженная София, то есть мудрая сердцем своим, ведущая «сладенькую» в кавычках жизнь по желтому билету. Аркадий Иванович – житель Аркадии, счастливой страны простодушных иванов. Предавший ее и собственную божественную природу, и чья фамилия прямо указывает на известного чередой своих предательств литовского князя Свидригайло...

Звонок.

Сцена освещается полностью – в том числе и стоящий у классной доски Митрич.

Митрич. Домашнее задание: письменная характеристика одного из двойников... (Подходит к двери и выглядывает в коридор.) «А» класс, пока не приглашу, в кабинет не заходим! (Возвращается и садится за учительский стол.)

Ученики, с шумом встают и уходят. Виктор идет последним.

Митрич. А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!

Виктор. А чё я такого сделал?

Митрич. А просто поговорить?

Виктор. Просто поговорить? Тогда я сяду? (Садится за парту напротив Митрича в демонстративно развязной позе.)

Митрич. А ноги пятками на стол, как Уайтт Эрп в фильме «Моя дорогая Клементина», слабо? Хотя, боюсь, упомянув Уайтта Эрпа, я несколько погорячился, откуда вам нынешним...

Виктор (меняет позу на более приличную). Извините, Максим Дмитриевич. Только мне почему-то наш разговор больше начало фильма «Когда я стану великаном» напоминает. А до Уайта Эрпа мне в натуре далековато будет. И он, насколько я помню, не в помещении, а на веранде и не на стол, а на перила свои заготовки выкладывал.

Митрич. О-бал-деть! Покажите-ка мне еще одного такого десятиклассника, кто бы смотрел «Когда я стану великаном». Не говоря уже про «Мою дорогую Клементину». Ты меня поражаешь, Торопов. Второй раз за день. Первый был на уроке.

Виктор. А типа вы не заметили, что я ответ стырнетил?

Митрич. Естественно, заметил. Известнейшие слова про Свидригайлова, мы их в институте конспектировали... Меня другое умиляет. Как ты умудряешься нужное на счет раз в Интернете найти, а со стороны это почти не заметно? И мозги при этом у тебя не отключаются...

Виктор. Спасибо.

Митрич. Не за что. Это не комплимент, а диагноз.

Виктор. Тогда и вы не сочитите за комплимент. Я, благодаря вам, только в этом году стал серьезно к урокам литературе относиться.

Митрич. А раньше что мешало?

Виктор. А раньше мое представление о литературе почему-то плохо вписывалось в учительские представления о ней. Особенно сочинения.

Митрич. Странно. Сочинения твои из разряда «Ничего особенного», но неглупые.

Виктор. Вы меня до десятого класса не учили.

Митрич. Надеюсь, на Аллу Леонидовну и Марину Владимировну ты зла не держишь?

Виктор. Нет, конечно. С Аллой Леонидовной у меня вообще любовь была и полное взаимопонимание. Пока она в кредит не ушла...

Митрич. В кредит?

Виктор. Ну, в этот... я их вечно путаю... в декрет, короче. И не по моей вине, если вы и про «любовь» неправильно поняли.

Митрич. Нет, Виктор Торопов, мне кажется, ты на это не способен. В смысле, отправив кого-нибудь в кредит-декрет, ты, как порядочный человек, на этом ком-нибудь обязательно бы женился.

Виктор. Пренебреженно-с! Кстати, именно Алла Леонидовна меня стихи выразительно рассказывать научила. Когда однажды выразила сомнение, смогу ли я ее удивить.

Митрич. Ну и..?

Виктор. Удивил, понятное дело. Нашел подходящую минусовку, притащил из дома блютуз-колонку и выдал рэп на стихи Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба». *(Встает и декламирует, по-рэперски размахивая руками).*

Северо-Западный ВЕтер его подниМАет НАД
Сизой, пунцовой, алой долиной КоНЕктикута; ОН УЖЕ
Не видит лакомый ПРОмеНАД
КУрицы на дворе обветШАлой ФЕрмы,
Суслика НА меЖЕ...* - ЙО!!!

Митрич. «Йо!» - это сильно! Это реально впечатляет. И ни разу не сбился?

Виктор *(скромно потупившись)*. Да. А что?

Митрич. Там же почти полторы сотни строк!

Виктор. Почти десять минут читал.

Митрич. Могу себе представить, что в классе творилось!

Виктор. Ближе к концу народ в проходах между столами танцевать начал.

Митрич. А Алла Леонидовна?

Виктор. Не рискнула, хотя на месте ей явно не сиделось. Но слушала внимательно. Не перебивая. И ногами притоптывала – я видел.

Митрич. А потом?

Виктор. Потом попросила повторить.

Митрич. А ты?

Виктор. Повторил. Правда, уж не под музыку, а примерно так... *(Декламирует по-настоящему красиво и выразительно.)*

Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута...

Митрич. Ты еще про сочинения говорил. И по поводу Марины Владимировны не высказался.

Виктор. А что Марина Владимировна? Мне ее максимализм нравился: кроме пятерок и единиц, других оценок она не признавала. До сих пор одно сочинение с ее «автографом» храню. В двух экземплярах. За первое – единица, за второе, слово в слово с первого переписанное, - «пять»... А знаете, что я писал в сочинениях на тему «Человек, на которого

я бы хочу быть похожим», «Как я провел лето» или «Моя будущая профессия»? (*С пародийным пафосом.*) «Хочу быть комбайнером! Как прекрасно на заре, когда кричат петухи, а с унавоженных полей веет утренней свежестью и пастухи гонят стадо на выпас, пройти вдоль села в промасленной фуфайке, подняться по трапу к штурвалу комбайна и гордым оком обозреть окрестность...» (*Нормальным голосом.*) А в качестве примера для подражания я выдумал слесаря-сантехника Варламыча и описал его в стихах. Целую оду сочинил: «Когда прорвало фановые трубы, Варламыч дом наш от фекалий спас...» Ну а про «Как я провел лето» однажды написал: «Этим летом я потерял невинность».

М и т р и ч. Так и написал?!

В и к т о р. Слово в слово и ни словом больше.

М и т р и ч. И что потом?

В и к т о р. Скандал, естественно. Отца в школу вызывали... Папа был в шоке!

М и т р и ч. Ну и..?

В и к т о р. Обошлось, как видите. Жив-здоров, в меру упитан и даже не заикаюсь.

Оба смеются.

М и т р и ч. Ладно, Виктор, неплохо поговорили. Но перемена вот-вот закончится, а главного я не сказал. Даже если случайно так получилось, но от тебя не ускользнуло самое важное в романе у Достоевского...

В и к т о р. Вы мне льстите, Максим Дмитриевич. Ни черта я в Достоевском не шарю – меня от него наизнанку выворачивает.

М и т р и ч. А ты не думал, что он специально пишет так, чтобы выворачивало? В нужном направлении? Слова Сони, сказанные Раскольникову, помнишь?

В и к т о р. Откуда?! Я же всего пятьдесят страниц...

М и т р и ч. «Что же вы над собою сделали!» Заметь, она в *большем* ужасе от содеянного Раскольниковым над собой, чем от содеянного им над старухой и несчастной Лизаветой, ее названной сестрой, между прочим, с которой Соня накануне крестиками поменялись. Спрашивается, почему?

В и к т о р. А она всех жалеет!

М и т р и ч. Вот именно! Высшая степень понимания человека человеком – умение оправдать его там, где оправдания возможны, и пожалеть, когда оправданий нет. Ты на этот уровень интуитивно вышел, даже если изначально тебе казалось, что чисто по приколу выскочило. Теперь моя очередь прикалываться, а за тобой доклад о Свидригайлове минут на пятнадцать. Срок – неделя. Управишься?

В и к т о р. А что, у меня есть выбор? (*Вздыхает.*) Постараюсь, Максим Дмитриевич.

М и т р и ч. Постарайся, голубчик! Вот прямо сейчас иди и постарайся! (*Повернувшись к двери и повышая голос.*) «А»-класс, заходите!

В и к т о р (*встает*). До свиданья, Максим Дмитриевич. (*Идет к выходу и, сделав уже шаг в дверь, стушевывается и отступает назад.*)

В класс первыми из «ашников» входят Светлана и Ленка. Почти столкнувшись со Светланой в дверях, Виктор торопливо отступает в сторону и замирает. Не обращая внимания на него, Светлана проходит мимо, Ленка же, увидев Виктора, вздрагивает и отводит глаза.

С в е т л а н а. Да ну его! Такое не прощают!

Л е н к а. Прощают. Не сразу, но прощают. Все не можешь забыть, как он на дне рождения у Наташки Зиминной...

С в е т л а н а. Мог бы и валентинку прислать. Мол, так и так, извини, виноват, больше не буду...

Л е н к а. К тебе только что пацан с валентинкой подходил. Не от него?

С в е т л а н а. Сейчас посмотрю... Ого, что-то новенькое! «Я счастлив тем, что есть на свете ты...»

Затемнение.

В и к т о р (*выходит на освещенную авансцену*). Я после переданную Сашкой валентинку специально еще раз перечитал. (*С пародийным надрывом.*) «Мальчик! Почему ты всегда такой одинокий и печальный?» И подпись эта дурацкая... Ойё! Только сейчас сообразил... (*Проговаривает в стихотворном размере «Письма Татьяны Онегину».*) «Сто восемнадцать - двадцать восемь, ноль сорок девять - двадцать пять...» Короче, валентинку я порвал и выбросил. Больше за этот день вспоминать нечего. Зато на следующий день... (*Уходит.*)

Картина 2

Сцена освещается.

Сторона школьного коридора напротив учебных кабинетов с одним-двумя окнами.

Опираясь спиной о подоконник, В и к т о р читает «Преступление и наказание».

Выходит С а ш к а и становится рядом.

С а ш к а. Бон джорно, Витторио!

В и к т о р. Буэнос диас, Алехандро! (*Закрывает книгу.*)

С а ш к а. Что-то у тебя фейс какой-то перекошенный. Съел что-нибудь? Или дежурство достало?

В и к т о р. Да нет. Дежурить здесь в кайф: народу много не бывает. Не то, что у входа или в столовой...

С а ш к а. Значит, не перекошенный, а переначитанный. (*Пародийным старушечьим голосом.*) Вот чтение-то куда ведет! (*Указывает пальцем в пол.*) В самый омут! (*Своим голосом.*) Ты про девочку, которая так много читала, что разучилась делать селфи, слышал?

В и к т о р. Слышал. Вот бы еще кого умного послушать, убивал Свидригайлов Марфу Петровну или не убивал?

С а ш к а. Извини, братан, здесь я тебе ничем помочь не могу.

В и к т о р. Без проблем, братан. Я же про умных говорил.

С а ш к а. Ах ты..! (*Бьет согнутым локтем Виктора в бок.*)

Прятели шутливо валтузят друг друга.

С а ш к а (*поднимает руки*). Все, сдаюсь! (*После короткой паузы.*) Я утром на входе Калинину видел.

В и к т о р. И что?

С а ш к а. А то! Она там у всех проходящих пацанов спрашивала: «Свидригайлов – это ты?»

В и к т о р. «Чрезвычайное известие, неожиданное происшествие...» Ты вчера не спалился, когда валентинку передавал?

С а ш к а. Абижайш, нацальника! Я, когда из кабинета Митрича вышел, засек, как мелкий Калининой валентинку передавал. Подождал, когда мелкий за угол задвинется, твою эпистола ему втюхал и обратно к Светке направил. Короче, никакого палева...

В и к т о р. Ну да. А то бы она про Свидригайлова у тебя одного спросила. Блин, даже жалко!

С а ш к а. Жалко чего? Что не спалился? Не понимаю...

В и к т о р. Да и хрен с ним, не бери в голову...

Звонок.

У нас вторым история по расписанию?

С а ш к а. Ага. Контрольная в формате ЕГЭ.

В и к т о р. Ты Аннушке Григорьевне, если спросит, навешай, типа меня в поликлинику вызвали.

С а ш к а. А на кой?

В и к т о р. Попробуй догадаться. С трех раз. Сам же про контрольную говорил...

С а ш к а. Легко! Отгадаю с одной ноты. Это ты из-за Калининой решил на историю забыть. Угадал? Одного не пойму: а причем здесь Калинина?!

В и к т о р. У «ашников» вторым уроком окно. Владимир Павлович заболел. А первым физкультура. Мимо нас вот-вот пройдут. Кто в столовку, а кто в библиотеку...

С а ш к а. А если...

В и к т о р. А чтобы без «если», ты прямо сейчас Светлану у спортзала перехвати!

С а ш к а. Попробую. И что ей сказать?

В и к т о р. Даже не знаю...

С а ш к а. Ладно, что-нибудь придумаю. *(Убегает.)*

В и к т о р *(проводив Сашку взглядом, отстраненно проговаривает, проверяя на звучание).*
«...И жизнь мою перечеркни, как пошлый анекдот... И жизнь мою, как анекдотец пошленький...» *(Замирает, не договорив.)*

Выходят Светлана, Ленка и Валет.

В а л е т *(Светлане).* Ты не так все поняла! Ничего же такого не случилось...

С в е т л а н а. Ничего не случилось. И вообще мне до случившегося фиолетово.

В а л е т. Но мы же насчет сценки договаривались! И как теперь?

С в е т л а н а. А теперь ты с кем-нибудь другим договаривайся. Вот с Леной, например. *(Ленке.)* Ты как, подруга?

Л е н к а *(стрельнув глазами в сторону Виктора).* Если ты не возражаешь...

С в е т л а н а *(Валету).* Так что не переживай, Лешенька, и ступай себе мимо. А мне надо с этим молодым человеком переговорить. *(Становится рядом с Виктором и демонстративно берет его под руку.)*

Кинув на Виктора не обещающий ничего хорошего взгляд, Валет уходит.

Л е н к а. И я пойду. Не буду вам мешать! *(Уходит.)*

С в е т л а н а *(отталкивает руку Виктора).* И о чем ты хотел со мною поговорить?

В и к т о р *(набравшись решимости).* «Свидригайлов» - это я.

С в е т л а н а. Ты?!

В и к т о р. Ты спрашивала, и я подумал: если для тебя это важно...

С в е т л а н а. О йё... *(Вздыхает.)* А, собственно, почему бы нет? *(Изображает что-то вроде книксена.)* Разрешите представиться: Раскольникова, Авдотья Романовна!

В и к т о р *(на несколько секунд «зависает», после чего пытается по-гусарски щелкнуть каблуками).* Оч-приятно!

С в е т л а н а. В общем, так... Про конкурс «Сударь и сударыня» в теме? Я – Дуня, ты - Свидригайлов в сцене их последнего объяснения. Как тебе?

В и к т о р. Но почему я?

С в е т л а н а. Сам виноват, никто тебя за язык не тянул. Или ты свою записку дурацкую чисто по приколу написал?

Виктор. Нет. Не по приколу и не дурацкую...

Светлана. И это радует! Но мне сейчас интереснее другое. Участие в конкурсе. Да или нет, *Аркадий Иванович?*

Виктор. Я не смог бы тебе отказать и в большем.

Светлана. Опять двадцать пять! Мне открытым текстом сказать, или сам догадаешься, о чем я сейчас промолчала? Короче, репетировать начнем сегодня же. У меня. Адрес знаешь?

Виктор. Знаю. Кайданова 4-26.

Светлана. Подваливай часам к пяти. И книжку захвати.

Виктор. Обязательно. А шампанское, шоколад, фрукты?

Светлана. Главное, ананас не забудь, *Аркадий Иванович!* (*Уходит.*)

Виктор. «Я не властитель дум твоих, В твоей судьбе я гость незванный...» И это, к сожалению, для некоторых ничего не меняет.

Выходит Ленка.

Ленка. Светка уже ушла?

Виктор. Только что.

Ленка. Я ее в библиотеке хотела подождать. (*Становится рядом с Виктором.*) Пока ждала, книжку интересную взяла почитать... В натуре интересная, прикинь, а не эта белиберда. (*Кивает на «Преступление и наказание» в руках у Виктора.*)

Виктор. Рад за тебя. (*Отодвигается.*)

Ленка (*продолжает*). «Виноваты звезды» называется. Не читал?

Виктор. Нет.

Ленка. А стоило бы! Трендовый топчик, между прочим.

Виктор не отвечает, всем своим видом показывая, что разговаривать им не о чем.

Ленка (*делает вид, что намеки Виктора ей непонятны*). О чем задумался, страдалец?

Виктор (*разворачивается*). Страдалец?!

Ленка. Видел бы ты себя, когда смотришь на Светку и тебе кажется, что тебя никто не видит. Никак не можешь понять...

Виктор. Я. Все. Прекрасно. Понимаю. И что? Твое-то какое дело? Свечку подержать хочется?

Ленка. А тебе обязательно надо меня обидеть, Торопов?

Виктор (*после короткой паузы*). «Сто восемнадцать - двадцать восемь, ноль сорок девять - двадцать пять...»

Ленка (*слишком эмоционально*). Не поняла?!

Виктор. Никого обидеть я не хочу, но... Когда человеку, не желая его обидеть, внушают надежду, это больнее.

Ленка. Что?! Хочешь сказать, я... (*Деланно смеется и тут же обрывает смех.*) Знаешь, Торопов... А нифига ты не знаешь, что больнее! (*Убегает.*)

Виктор, тяжело вздохнув, смотрит ей вслед.

Настороженно оглядываясь, выходит Валет.

Валет. И чё, поговорили? А теперь, клоун, давай я тобой поговорю!

Виктор. Я весь во внимании, амиго. Чем обязан и нельзя ли в виде кратких тезисов обозначить предмет нашей беседы?

Валет. В натуре клоун! Будут тебе, урод, и тезисы, и аргументы! Значит, так... Еще раз возле Светланы увижу...

Виктор (*передразнивает*). И чё?

Валет. Ноги вырву и по морде! Понял, да? (*Берет двумя пальчиками Виктора за ворот.*)

Виктор. А ты уверен, что получится? (*Отводит руку Валета в сторону.*) Интересно, а с какого бодуна и в какое место тебе вбембало, типа я распоследнее чмо и меня пустым базаром опустить реально? Или ты манией величия торчишь на всю голову?

Валет. Чё-о?!

Виктор. Фильм «Назад в будущее – 2» смотрел? Цитирую почти дословно: «Валет, ты глухой или тупой?!»

Валет. Ну все! Сейчас я тебя горбатым и щербатым делать буду! (*Наклоняет голову и, сжав кулаки, надвигается на Виктора.*)

Виктор. Слушай, Валет, а давай я тебя удивлю?

Валет (*оторопев*). Чем?

Виктор. Да хотя бы этим! (*Резко двумя пальцами снизу цепляет Валета за нос.*)

Валет (*сгибается пополам, сучит ногами и гундосит*). Пусти!

Виктор. А где волшебное слово «пожалуйста»? (*С пародийным акцентом.*) Фу, какой плёхой мальтшык! Какой невоспитанны киндер! (*Разворачивает Валета, дает ему пенделя и демонстративно вытирает пальцы о край свитера.*) Катись колбаской по Малой Спасской! Катись сосиской по Старой Двинской! Нефиг тут сардельку из себя изображать!

Пробежав несколько шагов, Валет разворачивается и делает вид, что готов наброситься на Виктора с кулаками.

Виктор (*несколько раз сжимает пальцы вытянутой и развернутой тыльной стороной вверх ладони*). Гоу! Гоу ту до мэне, бамбино!

Валет (*озираясь*). Мы еще встретимся, урод!

Виктор (*резко подается вперед*). Ха!

Валет вздрагивает, но находит в себе силы уйти шагом, не срываясь на бег. Проводив его взглядом, Виктор снова раскрывает книгу и пытается читать.

Виктор (*поднимает глаза над книгой, отрешенно*). «Не правда ль, Дунечка, забавно мир устроен: лежит печать глумления на всем...» Нет, не так... «Не правда ль, Дунечка, забавно мир устроен: на всем лежит глумления печать...» (*Достает свой заветный блокнот, что-то в нем торопливо записывает, убирает блокнот, снова отрывает книгу, читает...*)

Звонок.

Виктор. А ведь убил!!!

Выходит Сашка.

Сашка. Где? Это ты про кого?

Виктор. Про Свидригайлова, вестимо.

Сашка (*касается пальцем Викторова лба*). П-шшш!

Виктор. Нет, я в натуре только сейчас понял, что убил...

Сашка. Все, финиш! Как там у тебя? «Картина Репина «Приплыли» в картину Репина «Не ждали»? А ведь я предупреждал!

Виктор. Нет, ты прикинь, у Достоевского про «убил – не убил» так накручено, что вину Свидригайлова доказать нельзя, а сам он своей вины не признает... Выходит, если бы Раскольников в преступлении не признался, он бы тоже себя грохнул?

Сашка. Ты лучше это все для Митрича побереги. Из меня слушатель...

В и к т о р. Не могу, меня трясет всего... А ведь убил Свидригайлов Марфу Петровну! Не зарезал, не застрелил, не задушил - убил, может, резким словом, упреком, от которого у нее сердце склещило. Тем, что, узнав про сплетни о Дуне, в сердцах на нее кулаком замахнулся...

С а ш к а. Поэтому потом и застрелился. Совесть замучила.

В и к т о р. А вот фиг вам в вигвам! Он даже перед смертью вины своей за Марфу Петровну не чувствует. Тут дело в другом. Ему, в отличие от Раскольниковца, пойти не к кому. Дуня не из тех, кто...

С а ш к а. То есть если бы Свидригайлов запал на Соню, а не на Дуню...

В и к т о р. Сана, блин! Ты, оказывается, умнее, чем кажешься!

С а ш к а. Але, гараж! За базаром следи! Не будь ты мне другом с первого класса...

В и к т о р. Но ты по-любому прав. Вся фишка в том, что каторга для Раскольниковца – наименьшее из зол. И заметь, муки совести здесь совсем не при делах.

С а ш к а. А ты у нас самый умный, да? *(Из своего рюкзака достает учебник литературы.)* А с этим как? Вообще-то учебники доценты с кандидатами пишут. А то и целые доктора наук. Так что поменьше оригинальничай и не выеживайся, брателло, – тебя не поймут!

В и к т о р. Ну да. *(С иронией.)* «Совесть Раскольниковца не выдержала испытания убийством, что привело к раскаянию, покаянию и, благодаря любви Сони Мармеладовой, к последующему возрождению героя на каторге». *(Нормальным голосом.)* Реально хрень. Не про Соню, но все остальное. Он и на каторге до последнего сопротивлялся. Его же слова: «Если совесть кого замучает, то и пусть мучается. Туда ему и дорога!» А про Соню точно такая же хрень, будто она, несмотря на жизнь по желтому билету, чистоту сохранила...

С а ш к а. Так ведь душевную чистоту имеют в виду.

В и к т о р. А при *такой* жизни вообще о какой чистоте речь? Она, когда Раскольниковца у себя ждала к одиннадцати часам, успела с утра пораньше... Раскольниковца чуть в осадок не выпал: «Вы гуляли?»

С а ш к а. И чего тут особенного? Подумаешь, прогулялась...

В и к т о р. «Гуляла» - значит по желтому билету. Или тебе про желтый билет тоже объяснить?

С а ш к а. Не нать. Мы, чай, не лаптем щти хлеба`м, а если и хлеба`м, так и чё? А с чего ты взял, что Соня не абы как, а именно по-желтому гуляла?

В и к т о р. В романе прямо не сказано, но намек прозрачный. Смотри сам... *(Открывает нужную страницу и цитирует.)* «Вы гуляли?» «Да», - отрывисто прошептала Соня опять смутившись и потупившись...» Понимаешь, Сана, она так сама себя казнит, думая, что никого ее грешнее нет. Поэтому и отказывает себе в праве осуждать даже двойного убийцу... Говоришь, не поймут? *(Вздыхает.)*

С а ш к а. На Митрича надеешься?

В и к т о р. Надеюсь.

С а ш к а *(после короткой паузы).* Да, кстати... Случайно слышал, как Валет внизу грозился после уроков тебе стрелку забить. Он что, дебил?

В и к т о р. Да нет. Ко мне после махача с шоблой Шарика уже почти два года никто не прикапывался, а Валет только в прошлом году в нашу школу перевелся. Мальчик просто плохо информирован.

С а ш к а. Помощь нужна? А то я впишусь. Давно руки чешутся нашему мажорчику в табло засветить!

В и к т о р. Посмотрим. На всякий случай будь рядом – вдруг и этот шоблу соберет? Двоих-троих я уделаю, но если будет больше – подключайся.

С а ш к а. Договорились!

Затемнение.

В и к т о р (*выходит на освещенную авансцену*). Валет со Славкой Желудковым поджидали меня в закутке между слесарными мастерскими и школьным гаражом. Наивные... Когда двое на одного, разобраться с ними легче легкого. Лишь бы хором не накинулись, но, как правило, не кидаются. Каждый на «помощь друга» надеется. То есть в глубине души про себя знает, что дешевка, и заранее бз... боится, короче. В общем, Сашку я за гаражами оставил с наказом, чтобы не вмешивался. Валет пару раз по хавальнику и в бочину словил, а Желудю и одного раза по хавальнику хватил. А что? Дураков не жалко. Особенно тех человекообразных, у которых, пока по копчику не пендельнут, до мозжечка не доходит. Конечно, пару раз и мне прилетело, но это ерунда. В целом, тот еще адреналин, чтобы собраться с духом перед походом в гости к девчонке, которая мне безумно нравится и которой я, похоже, совершенно безразличен. (*Уходит.*)

Картина 3

Слышен шум отрываемой двери.

Г о л о с С в е т л а н ы. Приветик, заходи! Вау! Да он еще и с ананасом!

Г о л о с В и к т о р а. Как и обещал.

Г о л о с С в е т л а н ы. А синяк под глазом откуда?

Г о л о с В и к т о р а. Да так... Нечаянно о косяк двери в темноте приложился.

Г о л о с С в е т л а н ы. О косяк, значит? Ну-ну, знаем мы такие косяки. Куртку можешь повесить сюда...

Сцена освещается. Комната Светланы.

Небольшой диван. Шкаф с огромным количеством книг. Раскрытый ноутбук на столе у окна. Над диваном на стене висит гитара, на стене рядом - плакат с Виктором Цоем. Первой входит С в е т л а н а, оробевший В и к т о р с книгой в руках следует за ней.

С в е т л а н а. Не стесняйся, будь как дома, но держи себя в руках и контролируй... свои бурные эмоции, *господин Свидригайлов!* Знаем мы вас. А я девушка беззащитная, родителей дома нет, на помощь прийти некому...

В и к т о р. Но позвольте, *Авдотья Романовна!* Ежели мы собираемся репетировать, то я по роли вроде как обязан проявить явную нескромность и преступную наглость своих намерений...

С в е т л а н а. Размечтался!

В и к т о р. А что ты сделаешь? «Так значит, выстрелишь, зверок хорошенький?»

С в е т л а н а. Мы уже репетируем? Проходи, садись, я сейчас... (*Уходит.*)

В и к т о р (*кладет книгу на диван и осматривается*). Покажи мне, как ты живешь, и я скажу, какая ты... (*Прислушивается и торопливо присаживается на краешек дивана.*)

Входит Светлана, церемонно вкатывая сервировочный столик с двумя чашечками, кофейником и вазой с домашним печеньем.

С в е т л а н а. Угощайся! (*Наливает кофе себе и Виктору.*)

В и к т о р. Роскошь! Блаженство! Тронут! Весьма!

С в е т л а н а. Гостей, прежде чем говорить о деле, принято поить чаем или кофе. Но учти, судя по содержанию твоей записки... (*Не договаривает.*)

В и к т о р. Понял. Кстати, у Льва Гаврилина есть забавная миниатюра: «Приглашал кот соловья в гости: «Прилетай запросто: может, и споешь. Если успеешь!»

Светлана смеется и садится, подбрав под себя ноги и вполборота к Виктору. Берет чашечку с кофе, кивком приглашая Виктора сделать то же самое.

С в е т л а н а. Кушай печенье, Витенька, не стесняйся! Сама, между прочим, готовила.

В и к т о р. Из твоих рук я готов выпить даже яд! *(Берет чашечку и демонстративно медленно отпивает из нее.)*

С в е т л а н а. Ну вот! Гадюкой обозвал! *(Легонько бьет Виктора кулачком в бок.)*

В и к т о р. Гадюкой? Когда?! И вообще гадюки - они красивые, но маленькие. Будь ты анакондой, я был бы счастлив умереть в твоих объятиях...

С в е т л а н а *(отодвигается в угол дивана).* С вами все ясно, Виктор Свидригайлович! Потаскун! Кто про что, а вшивый все про баню!

В и к т о р. Неправда ваша. И не вшивый я вовсе...

С в е т л а н а. То есть насчет потаскуна не против?

В и к т о р. А чё сразу потаскун? Вполне нормальная реакция, между прочим, подростка в пубертатном возрасте на присутствие очаровательной девушки...

С в е т л а н а. Та-а-ак... Не ожидала. Хотя... Короче, еще хотя бы одна банальность или пошлость на эту тему, и мы услышим звук пощечин!

В и к т о р. Сдаюсь, верю, больше не буду! Разве что... *(Поставив чашечку, снимает со стены гитару, садится, играет и поет.)*

Я играла в мяч ручной
За спортивные награды,
И была я центральной,
И ударчик был что надо!
Я авосечку свою
Из руки переложила,
Кавалеру моему
Меж букашек засветила!*

**Ю. Визбор «Рассказ женщины»*

С в е т л а н а. Надо же, он еще и поет!

В и к т о р. Ага, пою я классно. А знала бы ты, как я танцую. Ой! Нечаянно вырвалось! *(Закрывает щеки ладонями.)*

С в е т л а н а. Поешь, танцуешь... Наверно, еще и стихи сочиняешь?

В и к т о р *(после короткой паузы).*

Бездарно тратил дни
Я в праздной суете,
Осуществлял мечты,
Да все не те;

И сам себе сдавал
Я мелочью с рубля,
Пока любви не знал,
Не знал тебя...

(Встает, вешает гитару на место, садится и старательно отводит глаза, чтобы не встречаться взглядами со Светланой.)

С в е т л а н а. Прикольно... Только втирать не надо, будто это ты сам сочинил. Ни за что не поверю!

В и к т о р. Ну да. Это я Интернете надыбал. Специально, чтобы на тебя впечатление произвести.

С в е т л а н а. А что, не так?

Виктор не отвечает.

Ладно, хватит пустяками заниматься. *(Отодвигает столик в сторону.)* Платье я для сценки придумаю, а вот твой наряд нужно обговорить...

В и к т о р. А чё там обговаривать? Сделаю цилиндр из бумаги...

С в е т л а н а. Цилиндра мало. И вообще цилиндр не нужен – они же в номерах Бакалеева, а не на улице... Оденешь под белую рубашку толстый свитер. Поверх рубашки какой-нибудь жилет, вместо галстука черный бант из узкой ленты. Морщины я тебе подрисую, бакенбарды и усики тушью подведу. Здорово бы лысину сделать...

В и к т о р. То-то народ, меня с лысиной увидев, обхохочется.

С в е т л а н а. Слабо шевелюрой пожертвовать?

В и к т о р. А ты знаешь, чего она мне стоила?

С в е т л а н а. Знаю!

В и к т о р. Выходит, я уже знаменит?

С в е т л а н а. Рассказывай! Я хочу иметь информацию из первоисточника, а то гонят всякое.

В и к т о р. Только держи себя в руках. Есть один нюанс... Это я насчет пощечин.

С в е т л а н а. Постараюсь.

В и к т о р. Значит так... Нарвался я однажды в коридоре на четвертом этаже на Великую Екатерину, которой Горыныч-обэженщик наябедничал, что его увещеваниям по поводу приведения юношеских голов в порядок перед допризывной комиссией я, единственный из класса, не только не внял, а имел наглость над его пламенной речью пострематься. Мол, с головой у меня порядок полный. В отличие от тех, кто привык строем ходить. Короче, поманила меня Катерина пальчиком и заявила, типа я со своей прической похож на евнуха. Заплохело мне - не передать! Недели две на стену лез. А тут в натуре комиссия. Собрали нас в конференц-зале поликлиники штук сорок обормотов со всего района и заставили голыми по кругу от одного врача-специалиста к другому бегать. Чтобы быстрее и без лишней волокиты...

С в е т л а н а. Представляю!

В и к т о р. И как?

С в е т л а н а. Что «как»?

В и к т о р. Твоя реакция на сорок бегающих туда-сюда голых мальчиков? Ой, блин, опять вырвалось!

С в е т л а н а. Вполне нормальная, между прочим, реакция...

В и к т о р. Девочки-подростка в пубертатном возрасте, спровоцированная гормональным взрывом? *(Вскакивает и отбегает в сторону, подняв руки.)* Всё, всё, больше не буду!

С в е т л а н а. Надо же, какие слова наш мальчик знает! Специальные справочники читаем или Интернета хватило? Ты, короче, не отвлекайся. Тоже мне, приколист!

В и к т о р *(с опаской возвращается на свое место).* Ну, если короче, то когда я перед хирургом стоял, меня и бомбануло: «Доктор, а не могли бы вы мне телегу выпилить, что с этим у меня все в порядке?» Доктор сперва чуть очки не уронил, но чуть погодя дико развеселился и телегу выписал. С личной печатью и все как положено: «Настоящая справка выдана Торопову Виктору Владимировичу для предъявления по месту требования в том, что...» Ну, что с этим самым у меня... того самого... все тип-топ, в общем.

Светлана сдерживается, но сдерживается уже из последних сил.

Я после полдня в школе по этажам бегал, чтобы с Екатериной пересечься. Дождался. Подошел, поздоровался и вежливо объяснил, что она насчет евнуха не права. И справку предъявил. Потом биология... После звонка классная входит, пополам от хохота согнувшись. На меня пальцем показывает: линияй отсюда, придурок, а то я урок вести не смогу. Мол, в учительской цирк: Екатерина капли глотает: «Наглец! Дурак! Шпана невоспитанная!» - а педагоги пацталом от смеха ползают и Екатерину увещевают: не вздумайте Торопову дурака или шпану невоспитанную навесить - он вам еще справку принесет!

Светлана, всхлипнув, закрывает лицо руками. Виктор пьет кофе.

С в е т л а н а. Хорошо, береги свои локоны. Лысый Свидригайлов, пожалуй, все-таки перебор. *(Открывает принесенную Виктором книгу.)* Текст придется сокращать. Лучше начать отсюда. Дуня входит первой. Ее реплика: «Хоть я и знаю, что вы человек... без чести, но я вас нисколько не боюсь. Идите вперед...» Нет, нелогично – она в гостях, значит первым выходишь ты. *(Переворачивает страницу.)* Вот твои слова, читай! *(Наклоняется над книгой так, что ее волосы касаются лица Виктор, отчего тот вздрагивает.)*

В и к т о р. «Если бы вы не верили, то... *(сбивается, но, откашлявшись, читает почти нормально)* ...то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем же вы пришли? Из одного любопытства?»

С в е т л а н а. «Не мучьте меня, говорите, говорите...» Хм... Здесь не совсем понятно... Ага, нужно добавить. *(С надрывом.)* «Вот ваше письмо... Разве возможно то, что вы пишете? Вы намекаете на преступление, совершенное будто бы братом. У вас не может быть никаких доказательств. Вы обещались доказать: говорите же! Но знайте заранее, что я вам не верю! Не верю!...»

В и к т о р. «Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем же вы пришли? Из одного любопытства?»

С в е т л а н а. Кошмар!

В и к т о р. Что не так?

С в е т л а н а. Все! Никакого выступления не будет. Я еще с ума не сошла, чтобы участвовать в аванюре, где по твоей милости нас ждет сокрушительный провал.

В и к т о р. А что не так? Текст невыразительно прочитал? Или тихо? Или, наоборот, слишком громко?

С в е т л а н а. Текст не главное! Без движухи на сцене зрителям неинтересно. Тебе нужно сущность Свидригайлова показать, а не только тупо за него слова проговаривать!

В и к т о р. А в чем его сущность, по-твоему?

С в е т л а н а. Способен на любую мерзость - раз! Мотивы его поведения по отношению к Дуне абсолютно прозрачны - это два! Подлость на примере его отношения к Марфе Петровне очевидна - это три! Вот и играй подлеца и похабника: нахмуренными бровями, сладострастным взглядом, потиранием рук...

В и к т о р. Нахмуренными бровями и сладострастным взглядом? Мы что, комедию играть готовимся?

С в е т л а н а. Причем тут комедия? Я, между прочим, пятый год в драмкружке в нашем ДК занимаюсь...

В и к т о р. А ты представь, в каком угаре народ в зале пену рвать начнет, когда я вот так брови нахмурю, так ручонки потру и с таким вот сладострастием на тебя смотреть буду? *(Встает и показывает, как именно.)*

Светлана краснеет и машинально касается воротника блузки.

Виктор (*перестав кривляться, читает*). «...Нечего и говорить, что вы храбрая девушка. Ей-богу, я думал, что вы попросите господина Разумихина сопровождать вас сюда... Впрочем, в вас всё божественно... Что же касается до вашего брата, то что я вам скажу? Вы сейчас его видели сами. Каков?»

Светлана. Давай лучше отсюда: «Оставьте меня! Клянусь, я опять выстрелю... Я... убью!»

Виктор (*не заглядывая в текст*). Так, значит, выстрелишь, зверок хорошенький?!

Светлана. Не так! У Достоевского... (*Находит нужную страницу, читает.*) «...Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький. Ну и стреляй!»

Оба склоняются головами над книгой, переговариваются неслышно для зрителей, жестикуют, каждый доказывая свое.

Светлана. Все, хватит! (*Решительно захлопывает книгу.*) Смысла нет с невыученными словами репетировать. За пять дней слова выучишь?

Виктор. Да не вопрос! (*Вздыхнув, понимаетя с дивана, делает несколько шагов к выходу и останавливается.*) А можно еще кофе?

Светлана (*передразнивает*). Да не вопрос! Сейчас заварю...

Виктор. Не надо, и холодный сойдет. Там в кофейнике еще порядком оставалось. У вас, Авдотья Романовна, кофий отличный, печенье чудное подают-с, и уходить не хочется...

Светлана придвигает сервировочный столик ближе к Виктору и наливает ему кофе. Короткая пауза, во время которой Виктор успевает сделать два-три глотка.

Светлана. О чем задумался, Аркадий Иванович?

Виктор. Естественно, о любви, Авдотья Романовна.

Светлана. О любви?! Странно слышать про любовь от человека с *вашей* репутацией.

Виктор. А у нас с вами, Авдотья Романовна, разные представления о любви.

Светлана. Охотно верю, Аркадий Иванович. Уважающая себя девушка никогда не согласится иметь с *вами* что-либо общее. А с *вашими* представлениями о любви – тем более.

Виктор (*передразнивает*). «Уважающая себя девушка...» Ну да. Уважающие себя девушки о жизни знают все!

Светлана. А что, по-твоему, чистых возвышенных чувств вообще не бывает?

Виктор. Бывает. Только... (*Не договаривает.*)

Светлана. Что «только»?

Виктор. Любовь – сама по себе возвышенное чувство. Потому что возвышает любого, даже упавшего ниже некуда. И беда Свидригайлова в том, что он любит, как умеет, а не так, как по общепринятому мнению любить полагается.

Светлана. Не поняла?

Виктор. А чего здесь непонятного? Кто как мычит, тот так и телится. Свидригайлов просто не понимает, *что* с ним происходит. Он привык получать все, чего хотел, а с Дуней у него облом по полной.

Светлана. Естественно...

Виктор. А не так все просто, как тебе кажется. Воспринимая Дуню *обыкновенной* женщиной, он легко добился бы от нее того, в чем от других женщин не знал отказа.

Светлана. Врешь! Дуня умна и порядочна!

Виктор. Разумна, то есть? Ничего не имею против. Только чувство любви разумному объяснению не поддается. Любим не за что-то, а потому что не получается не любить, даже когда на взаимность шансов – ноль...

Светлана. Ты специально умничаешь, чтобы взрослее казаться?

Виктор. Специально так говорю, чтобы меня тупым не посчитали! Или мне плакат на грудь повесить: «Я у папы с мамой не дауном родился, книги читаю с пяти лет и поэтому *самостоятельно* думать умею»?

Светлана. Бинго! Только ты на главный вопрос так и не ответил. Почему Свидригайлов пытается совратить Дуню, если любит?

Виктор. А потому! Представь, какое омерзение вызовет паук своим желанием к кому-то приласкаться? А паук не виноват, что пауком родился. Как и Свидригайлов... И заметь, он от разврата отказывается в самый последний момент. Догадайся, почему?

Светлана. Совесть не позволила.

Виктор. Опять двадцать пять! Вот поэтому с Достоевским в школе у многих зашквар. Он слишком сложен, а если все проблемы его героев к наличию-отсутствию совести свести, читать его как бы уже и не обязательно. Совесть, говоришь? У Свидригайлова?! Он-то как раз сумел «разрешить себе кровь по совести», чего не удалось Раскольникову...

Светлана (*передразнивает*). «К отсутствию совести свести...» Полный отпад! А еще круче можешь?

Виктор. Понимаешь, Светлана... Я сейчас, честное слово, не умничаю, но мне буквально сегодня днем по темечку щелкнуло, чем по-настоящему велик Достоевский. Он читателя и героя на одной дыбе наизнанку выворачивает, чтобы читатель главное понял. Без чего жить нельзя.

Светлана. Раскольников, между прочим, не погиб, а возродился к новой жизни благодаря Соне Мармеладовой.

Виктор. Правильно! Потому что благодаря Соне он это *главное* понял. Имея перед глазами пример того же Свидригайлова...

Светлана. Которого как раз темные страсти и сгубили!

Виктор. И они тоже. Это Раскольникову с Соней повезло – окажись она на месте Дуни, она бы и Свидригайлова пожалела.

Светлана. То есть ты хочешь сказать, что в смерти Свидригайлова Дуня виновата? И если бы на месте Дуни оказалась Соня...

Виктор. Дорогая передача, я фигею! Сегодня в школе Сашка Карпинский мне примерно это же говорил!

Светлана. Хочешь сказать, у дураков мысли сходятся?

Виктор. Наоборот. Кстати, Сашка гораздо умнее, чем кажется... Конечно, Дуня не виновата: Свидригайлова спасти нельзя: полюбить развратника значит возлюбить разврат. Дуня не такая – есть черта, которую она не может переступить, и ей, в отличие от Сонечки, которая уже за чертой, есть что терять.

Светлана. В одном с тобой соглашусь: «Полюбить развратника...» Мерзавец - он и есть мерзавец.

Виктор. Спорить не буду, но почему-то мне его больше всех жалко. Больше, чем Раскольникова и несчастную Лизавету...

Светлана (*язвительно*). Еще бы! Есть, стало быть, между вами точка общая?

Виктор. Стало быть, есть.

И между нами нашлась точка общая:
Мечты несбыточной горький дурман,
И рядом мы оказались на площади,
Когда развеялся утром туман.

И вместе с ним повернул я на улицу,
Где дом большой и при нем каланча,
И видел, как он с улыбкою на лице
Сыграл роль жертвы и роль палача...

С в е т л а н а. Снова втирать будешь, будто сам сочинил?

В и к т о р (*с трудом сдерживаясь*). Ну да. Причем, заметь, только что. И две строфы сразу.

С в е т л а н а. Хвастун! И трепло.

В и к т о р. Самому не верится...

С в е т л а н а. Надо же, какой скромный хвастун! (*После короткой паузы*). Ты учти, Торопов, мое отношение к Свидригайлову-мерзавцу все равно ни на чуть не изменилось и вряд ли изменится. А теперь про точку общую между вами еще раз подумай, и догадайся, к чему я это сказала?

В и к т о р. Догадываюсь... (*Ставит чашечку на столик.*) Пойду я, пожалуй. Спасибо за кофе. (*Встает.*)

С в е т л а н а. Не за что. Ты, главное, слова как следует выучи! (*Встает.*)

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 4

В и к т о р (*выходит на освещенную авансцену*). Двадцать второго февраля, придя в школу, я первым делом обратил внимание на плакат с сообщением по поводу тематического вечера для старшеклассников «Сударь и сударыня». Плакат был классный. А когда я в списке участников внизу увидел свою фамилию, у меня сердце забилось так, что я всерьез испугался, не осыпалась бы штукатурка в школьном фойе. Уроки в этот день тянулись на удивление муторно и долго... (*Уходит.*)

Звонок и шум, с которым школьный народ выходит на перемену.

Сцена освещается. Кабинет литературы, что и в Картине 1.

У ч е н и к и собирают вещи и уходят, кроме Н а с т и, В и к т о р а, А л ь к и и С а ш к и.

Н а с т я (*убирая учебники, Виктору*). Не знаешь, куда Леха Велетов делся? Его пятый день в школе нет.

В и к т о р. Может, заболел? А почему ты о нем у меня спрашиваешь?

Н а с т я. А потому, что у тебя синяк под глазом почти прошел и ты в школу ходишь.

В и к т о р. Ништяк себе логика! По-твоему, если у меня синяк и я хожу в школу, то должен знать, куда делся Валет?

А л ь к а. Логика самая та, между прочим! Если у тебя синяк под глазом, то Велетов, надо понимать, одними синяками не отделался?

Н а с т я. Вот именно! Поэтому он и в школу не ходит. А ты, Торопов, садист!

В и к т о р. А это ничего, что их двое было? Двое против одного?

С а ш к а. Подтверждаю. Я за гаражами стоял и все видел.

Н а с т я. Все равно садист!

В и к т о р. Ну да. (*Передразнивает.*) Логика та самая, между прочим! (*Насте.*) Кстати, а тебе-то что до Валета? Вы с ним, вроде бы, никаким боком не френдите...

Н а с т я. Светка Калинина интересовалась.

В и к т о р. Калинина?! А ты здесь причем? И причем здесь я? Я-то с ним точно никаким боком. Он мне не родственник и ни разу не друг...

А л ь к а. Поэтому и спросили! Ленка Волынцева извелась вся. Ей с ним выступать на вечере. А теперь из-за тебя...

В и к т о р. Из-за меня? Приплыли, блин, я еще и виноват!

Н а с т я. А кто Велетову стрелку забивал? Я ваш разговор с Карпинским слышала.

С а ш к а. А нефиг было подслушивать!

Н а с т я. А нафиг было так громко кричать? Я не подслушивала, просто слышала...

В и к т о р. Слышала, да не расслышала – не так громко мы и кричали. И вообще не кричали – просто у некоторых блондинок слух так устроен... И специально для блондинок поясняю: забивал не я, а мне. И никакой стрелки бы не было, будь у Валета чувство юмора. Никто не виноват, что он из тех, кто на шутки обижается!

А л ь к а (*смеется*). Если бы меня так витиевато и уклончиво дурочкой обозвали...

Н а с т я. Я бы такому на глубину маникюра в рожу вцепилась!

В и к т о р (*с деланным испугом отодвигается назад*). Именно поэтому, Настенька, никто на тебя и не обижается. Боятся согрешить.

Н а с т я. Что-о?!

В и к т о р. Расслабься - у тебя с чувством юмора как раз все в порядке. Не то что у некоторых. Подумаешь, всего-то один анекдот Валету рассказал. Про ежика. Про суслика не успел: Валет не пойми с чего за ежика обиделся и забил мне стрелку...

Н а с т я. Про ежика?

В и к т о р. Ага. Научился ежик попой дышать: сел на пенек и задохнулся.

Настя, как-то странно хрюкнув, закрывает лицо руками и выбегает в коридор.

Алька, тоже едва сдерживаясь, выбегает следом.

С а ш к а. Что это с ними?

В и к т о р. Фантазия разыгралась. С девчонками это часто бывает. Есть такой тест на воображение. Про карлика. Покажи любой и убедишься, что у них все не как у людей: услышат одно, придумают другое...

С а ш к а. Про карлика? Не слышал...

В и к т о р (*протягивает в его сторону ладонь тыльной стороной кверху*). Представь: у меня на руке стоит карлик. Только хорошенько представь, как он выглядит, какого цвета на нем курточка, какой колпачок, пуговицы на курточке... Представил?

С а ш к а. Ну...

В и к т о р. А теперь возьми его за нос!

С а ш к а (*вытягивает вперед сложенные щепотью пальцы*). Взял. Что дальше?

В и к т о р (*другой рукой показывает расстояние от ладони в два раза больше*). А карлик-то вот такой!

С а ш к а. И где прикол?

В и к т о р. Какое у тебя здоровое ассоциативное мышление! Ты той же Насте этот тест или еще кому из девчонок покажи - увидишь, в каком направлении у них ассоциации работают!

С а ш к а. А надо?

В и к т о р. Надо, Сана, надо. Еще как надо!

Входит Аллька.

А л ь к а. Мальчики, я, кажется, телефон оставила. Не находили? (*Заглядывает под парту.*) Сашка, Настя просила напомнить: ты про репетицию не забыл? Ой, вот он где! (*Поднимает телефон и уходит.*)

С а ш к а. Аля, подожди! (*Выбегает из класса.*)

Оставшись один, Виктор собирает вещи и нечаянно роняет на пол книгу, поднимает ее раскрытую при падении, садится и читает.

В и к т о р. «...Народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях...» *(Захлопывает книгу.)* «Так значит, выстрелишь, зверок хорошенький? Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалей!» *(Садится за парту и что-то пишет в своем блокноте.)*

Входит Сашка и молча убирает в рюкзак учебник и тетрадь.

В и к т о р. И как?

С а ш к а. Терпимо. По морде не получил, но был назван гнусным пошляком. Ты меня спецом подставил? Друг, называется!

В и к т о р. Зато убедился, какое у тебя здоровое ассоциативное мышление? В отличие от некоторых.

С а ш к а. Убедился. Целых два раза.

В и к т о р. Кого-то еще протестировал?!

С а ш к а. Ага. Калинину. У кабинета истории про тебя спрашивала. Сначала про Валета спросила, потом про тебя.

В и к т о р. А ты что?

С а ш к а. Я ее послал.

В и к т о р. Охренел?!

С а ш к а. Расслабься, братан, я ее не туда послал, куда ты подумал, а к мужскому туалету. Мол, минуту назад видел, как ты туда входил. Приплясывая, и глаза у тебя были красные-прекрасные...

В и к т о р. Капец! *(Хватается за голову.)*

С а ш к а. Подстава за подставу. Ладно, не переживай. Не видел я Светку, и никто меня про тебя не спрашивал.

В и к т о р. Ну, блин... Ты, Сана, короче, за карлика меня извини. Что-то я весь на нервах... *(Вздыхает.)* Я бы многое отдал за то, чтобы она кого-нибудь и когда-нибудь про меня спросила. А чтобы вдруг сейчас в класс вошла и сказала: «Витька, привет!» - такое даже представить себе не могу...

Входит Светлана в длинном зимнем пальто и с двумя пакетами в руках.

С в е т л а н а. Ты уже здесь, Торопов? Привет. *(Опускает пакеты на парту рядом.)*

В и к т о р *(после короткой паузы).* Что значит «уже»?

С в е т л а н а. Я с Максимом Дмитриевичем договорилась насчет репетиции в кабинете литературы и даже с его разрешения ключ на вахте взяла. Тебе что, не передали?

В и к т о р. Нет.

С в е т л а н а. Неважно, раз ты все равно уже здесь. Начнем?

С а ш к а. Не буду вам мешать. Мы с Настей репетируем в кабинете музыки. *(Смотрит на часы.)* Через час. Оп-па! Так я еще пожрать успею! *(Уходит быстрым шагом.)*

С в е т л а н а. Интересно, могло ли быть слово «пожрать» в лексиконе Аркадия Ивановича Свидригайлова?

В и к т о р. Думаю, нет. Почему-то кажется, что из всех героев романа так изысканно выразиться мог бы, пожалуй, только Лебезятников... Ты не передумала?

С в е т л а н а. С чего бы?

В и к т о р. Ну, мало ли...

С в е т л а н а. Скажи лучше: слова выучил?

В и к т о р. Выучил. И даже сладострастный взгляд и потирание рук отрепетировал.

С в е т л а н а. То есть можно надеяться, что ты сценку не провалишь?

В и к т о р. Я?!

С в е т л а н а. Не я же!

В и к т о р (*встает*). Перед лицом классиков отечественной литературы торжественно клянусь сценку не провалить и оправдать оказанное мне доверие. Зуб даю!

С в е т л а н а. Хотелось бы верить. Костюм приготовил?

В и к т о р. Приготовил. Показать?

С в е т л а н а. Естественно! (*Снимает пальто и едва сдерживает улыбку, заметив, какое впечатление на Виктора производит своим костюмом Дуни Раскольниковой.*) Впечатляет? (*Кокетливо поворачивается, взвихрив подол длинной юбки и сверкнув ногами в белых чулочках и полусапожках на высоком каблуке.*)

В и к т о р. Впечатляет... Один ваш поцелуй, сударыня, - и умирать не страшно!

С в е т л а н а (*взглядом опускает его ниже плинтуса*). Жалко, сейчас Чернышевского в школе не проходят. «Что делать?» - книга скучная, но кое-что полезное в ней есть.

В и к т о р. Что именно?

С в е т л а н а. Например: «Никогда не давай поцелуя без любви»...

В и к т о р (*хватает ее за руки*). Так, значит, не любишь?

С в е т л а н а (*холодно*). Мы уже репетируем?

В и к т о р (*отпускает ее руки и делает шаг назад*). Конечно! А ты о чем подумала?

С в е т л а н а. А ты?

В и к т о р (*опустив голову*). «...Как хотите, но заметьте, я говорил еще только в виде предположения... А вы твердо уверены, что я Марфу Петровну отравил?»

С в е т л а н а. Стоп! Так дело не пойдет! Я в тебе Свидригайлова в упор не вижу. Переодевайся!

В и к т о р. Тогда стой на стреме, а то подвалит Екатерина Великая или еще кто из учителей - и все, накрылась твоя репутация! Заметь: твоя, а не моя.

С в е т л а н а. Почему моя?

В и к т о р. А я справку предъявлю. В том, что намерения имел самые серьезные и готов на тебе жениться.

С в е т л а н а. Балабол! (*Отходит к двери, приоткрывает ее и выглядывает в коридор.*) Начинай, в Багдаде все спокойно!

В и к т о р (*достаёт из рюкзака и надевает поверх свитера белую рубашку, жилет и скрещивает руки на груди*). Готово!

С в е т л а н а (*обернувшись*). А ничего получилось. Похож! Разве что усики похабные подрисовать...

В и к т о р. Насчет «похож» - это комплимент или оскорбление? (*Достаёт из рюкзака игрушечный револьвер и передает Светлане.*) Осторожнее: он заряжен. Бабахнет неслабо.

С в е т л а н а. Однако, шуточки у вас, Аркадий Иванович! Не опасно? (*Рассматривает револьвер.*)

В и к т о р. Я еще умом на сторону не подвинулся, чтобы заряжать его по-настоящему, зная, что целиться ты будешь в меня. Там просто пистон особой конструкции.

С в е т л а н а. Проверим? (*Наводит револьвер на Виктора и нажимает на курок.*)

Ничего не происходит.

В и к т о р. Дай сюда! (*Берет револьвер, что-то в нем поправляет, цитируя Свидригайлова.*) «Зарядили неаккуратно. Ничего! У вас там еще есть капсюль. Поправьте, я подожду». (*Отдает револьвер Светлане.*)

С в е т л а н а (*снова наводит револьвер на Виктора*). Ба-бах!

Громкий выстрел. Светлана, ойкнув, роняет револьвер.

В и к т о р (*изображая Свидригайлова*). «Бросила?!»

С в е т л а н а. Да ну тебя! Предупреждать надо!

Виктор А типа я не предупреждал?!

Светлана. Ладно, забили! Что там дальше по тексту после «Бросила»?

Виктор (*не задумываясь, цитирует по памяти*). «Он подошел к Дуне и тихо обнял ее рукой за талию. Она не сопротивлялась, но вся трепещет как лист, смотрела на него умоляющими глазами. Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог...» *Стушевывается и отводит глаза.*)

Светлана. И в чем проблема? Чего стоим, кого ждем?

Виктор встает, медленно надвигается на нее, зажмурившись, вытянув вперед руки.

Виктор. Не могу... (*Останавливается и садится за парту.*) В мозгах засело и не вытряхнуть, что сейчас Екатерина обязательно войдет и спросит: «Что здесь происходит, молодые люди?»»

Светлана. А мы ей ответим: «Не подумайте плохого, Екатерина Васильевна! Мы сценку репетируем!»

Виктор. Не прокатит. Вернее, прокатит, но то, о чем она подумает, из ее мозгов тоже вряд ли вытряхнется.

Светлана. Что именно?

Виктор. Опасение, не станет ли наша образцово-показательная школа рассадником разврата. Ты, естественно, вне подозрений, а за себя не поручусь. И тут никакая справка не поможет. Слишком глубоко в образ вошел. Конкретно по системе Станиславского: «я в предполагаемых обстоятельствах...»

Светлана. Ну, если ты так глубоко в образе, действительно не стоит сейчас этот момент репетировать. Как-нибудь на сцене разберемся...

Виктор (*после короткой паузы*). Хорошо у меня еще заряд остался. (*Встает, поднимает с пола револьвер, заряжает его и передает его Светлане.*) Но учти, этот точняк последний.

Светлана. Надо же, он еще и пиротехник! Оказывается, я о тебе так мало знаю...

Виктор. А ты меня совсем не знаешь, Светлана... (*Меняет интонацию на ерническую и насмешливую.*) Во мне такое обилие достоинств, что на их фоне даже присущие мне недостатки кажутся милыми и симпатичными!

Светлана. А не является ли, сударь, склонность к хвастовству главным вашим достоинством? (*Убирает револьвер в дамскую сумочку, которую достает из пакета с аксессуарами для своего выступления в образе Дуни Раскольниковой.*)

Виктор. Это всего лишь самый большой и оттого самый милый мой недостаток. О главном же моем достоинстве по причине исключительной, феноменальной и не имеющей аналогов в мировой истории скромности, местами переходящей в застенчивость, я промолчу.

Светлана. Я давно заметила: больше всех иронизируют над собой люди с комплексами. О чем ты сейчас на самом деле думаешь?

Виктор. О чем думаю? (*Отвернувшись, декламирует.*)

От жажды умираю над ручьем,
Смеюсь сквозь слезы и тужусь, играя;
Куда бы ни пошел, везде мне дом;
Пустыня — мне страна моя родная!*

**) Франсуа Вийон «Баллада поэтического состязания в Блуа»*

Светлана. Не поняла?

Виктор. «От жажды умираю над ручьем...» То есть скорее умру, чем напьюсь не из твоих ладоней. Был во Франции в пятнадцатом веке поэт, Франсуа Вийон...

Светлана. При чем здесь Вийон? До начала чуть больше часа, а мы репетировать еще и не начинали! Давай хоть текст прогоним! (*Листает книгу.*) Хотя бы отсюда... (*Читает.*) «Каким образом вы можете его спасти? Разве его можно спасти?»

Виктор (*никуда не заглядывая*). «Всё это от вас зависит, от вас, от вас одной. Вы... одно ваше слово, и он спасен! Я... я его спасу. У меня есть деньги и друзья... Зачем вам Разумихин? Я вас также люблю...»

Светлана. Перебор! Слишком на жалость давишь, вместо того чтобы...

Виктор. А тебе не кажется, что именно так он и должен вести себя?

Светлана. Слушай, не беси меня, а? Снова гнать будешь, что его никто не жалеет? Ага, подвалил такой к Дуне весь из себя несчастный: «Пожалей меня с разбегу!»

Виктор. Нельзя героя на сцене изображать одной краской. Пусть Свидригайлов в своих чувствах к Дуне истеричен и жалок, они его человеком характеризуют. Доведенным до предельной степени отчаяния, но человеком!

Светлана. Надо же, под какую философскую базу обыкновенного похабника подвел! (*Передразнивает.*) «Доведенным до предельной степени отчаяния...» Свидригайлов Дуню просто домогается, и не надо ля-ля, что «он ее любит как умеет».

Виктор. Говорил уже: если бы он хотел ее взять, взял бы! Помнишь его слова Раскольникову о потаенных струнах женской души? Он сорвался, когда она сама шла ему навстречу, испугал ее своею страстью. И это опытный развратник пятидесяти с лишним лет? «Даже весталку можно совратить лестью» - его слова, между прочим, и он прав! Та же Марфа Петровна, спрашивается, что в нем нашла? А в номерах кто ему мешал завалить Дуню в постель? Она же после выстрела чувств лишилась, обмякла вся, а для насильников это именно то состояние, когда они по отношению к женщине мужскую силу проявить способны!

Светлана. Ого, удивительная осведомленность про насильников! Интересно, откуда?

Виктор. От верблюда! А сможешь отмахнуться от моих слов, будто они ничего не стоят? Мужчина в любимой видит большее, чем она собою представляет, и получить от нее мечтает больше, чем она, как женщина, способна ему дать. Да, это пугает и может показаться чем-то грязным...

Светлана. Тогда *это* пока не для меня! И если ты с первого раза не понял, еще раз повторяю: терпеть не могу тех, кто изо всех сил пытаются показать, типа они взрослее, чем на самом деле, и умнее всех!

Виктор хочет что-то сказать...

и как раз в это время в класс заглядывает Валет.

Валет. Света, можно тебя на минутку?

Кивнув в ответ, Светлана выходит. Виктор садится за парту, горбится и закрывает голову руками. Продолжительная пауза.

Входит Светлана.

Светлана (*как ни в чем не бывало*). Продолжим?

Виктор. После того, чему я невольно оказался свидетелем, мне нужно прийти в себя.

Светлана. Надо же, как красиво сказал! С пафосом, дрогнувшим голосом... А чему, собственно, ты оказался свидетелем? Что ты видел? Воображение разыгралось, молодой человек? И попрошу вас, юноша, учесть: есть вещи, которые вас не касаются! Так что давай-ка лучше репетировать!

Виктор. А какой смысл? Зачем тогда тебе понадобилось именно со мной готовить эту сценку?

Светлана. Ты действительно хочешь, чтобы я ответила?

Виктор. Если честно, не очень. Но ты все-таки ответь.

Светлана. Хорошо. Во-первых, твоя записка натолкнула меня на идею инсценировки по «Преступлению...» и идея показалась мне классной. А во-вторых... А во-вторых, когда

я узнала, что «Свидригайлов – это ты», я сразу подумала, что теперь я очень хорошо понимаю Дуню и знаю, как ее сыграть.

Виктор. Именно потому, что я – «Свидригайлов»?

Светлана. Именно поэтому.

Виктор. Наверняка еще и «в-третьих» было.

Светлана. Было. Алексей мне предлагал инсценировать письма Апухтина – первое от лица героини, второе как бы ответ на него со стороны героя. Отличные стихи, между прочим. Потом мы с Велетовым поссорились, и я получила твою валентинку. И еще... Знаешь, Торопов, я и раньше была о тебе невысокого мнения, но когда узнала, о какой дверной косяк ты головой ударился, мое мнение о тебе упало ниже некуда. Доказывать девушке свои чувства дракой с ее парнем - на мой, взгляд, низко и подло. Именно поэтому я очень хорошо понимаю Дуню и еще сильнее хочется ее сыграть. С тобой.

Виктор (*после короткой паузы*). Ты права. Пытаться что-то доказать девчонке, угрожая физической расправой своему сопернику, действительно подло и низко. Так что ладушки, давай репетировать дальше!

Затемнение.

Картина 5

Голос Виктора. Даже просто прогнать текст с нашими репликами полностью мы не успели - минут за сорок до начала вечера по классу забежали девчонки из 10-го «А», каким-то образом узнавшие, что кабинет свободен и ключ от него находится у Светланы. Забежали, засуетились, меня сапоги на бальные туфельки, подкрашиваясь и поправляя прически, - то есть мое присутствие сразу оказалось лишним.

Голос Светланы (*наложением на приглушенный девичий смех и шушуканье*). Подождешь меня в примерке! И не очень маячь у всех на виду – зрители не должны видеть актеров в гриме и театральных костюмах до начала действия. Ву компрене?

Голос Виктора. Уи. Маячить у всех на виду сэ нэ па комильфо!

Сцена освещается.

Ставший на время примеркой закуток между кабинетом музыки и школьным актовым залом, забитый старыми декорациями и ненужной мебелью.

В накинутой простыне туда-сюда прохаживается вымазанный коричневым Са ш к а.

В строгом костюме-тройке с артистической бабочкой на шее попирает плечом старый шкаф В а л е т. Рядом с ним Л е н к а в вечернем платье и с высокой прической а la «серебряный век». Н а с т я (Дездемона) и А л ь к а (Одинцова) тихо шепчутся между собой. За их спинами маячит «Б а з а р о в» в «балахоне» из мешковины. Перед пыльным зеркалом вертятся «Б е к к и Т э т ч е р» и «С о ф ь я Ф а м у с о в а». «Т о м С о й е р» и «Ч а ц к и й» стоят в сторонке, всем своим поведением демонстрируя ироническое отношение к происходящему.

Входит В и к т о р.

Са ш к а. Явление шешнадцатое: те же, и Торопов... Хады сюды, брателло!

Виктор. Сказало Отелло... (*Пожав другу руку, отклоняет голову и окидывает Сашку критическим взглядом.*) В натуре афро, блин!

Са ш к а. А то! (*Кривляется и поет.*) «Рамамба Хару Мамбуру! Рамамба Хару Мамбуру!»

К Виктору и Сашке подходит Настя.

Н а с т я. Здравствуйте, мальчики!

Виктор. Вау! Здравствуй, Настя. Зачётная из тебя Дездемона получилась!

Настя. Спасибо! Да никак ты, Витенька, обратил на меня внимание?!

Виктор. Как не обратить – одно декольте чего стоит! Возникают определенные мысли, знаете ли... Пожалуй, тебе так стопудово лучше, чем в пеньюаре.

Настя. Нахал!

Виктор. Будешь тут нахалом, когда перед глазами та-а-кое... *(Вытягивает вперед голову.)*

Настя. Слушай, Торопов, еще одно слово на эту тему, и ты со своими подковырками будешь не просто нахалом, а побитым нахалом! Или поцарапанным!

Виктор. Ага, на глубину маникюра... Извини, но ничего с собой поделать не могу. Не могу сдерживать свой восторг перед Прекрасным. О как я был слеп! Хотя... Помнишь, осенью? Ты тогда в школу пришла в офигенной мини-юбке, и у меня родился стих: «От сексапильных ножек нашей Насти во мне бушуют низменные страсти!» Прости, стих довольно глупый, но...

Настя. Не такой уж и глупый. Если честно, я тогда не очень-то и обиделась.

Подходит Ленка.

Ленка. Алё, народ, вы подружку мою Светку Калинину не видели?

Виктор. Видели-с. Оне велели передать: скоро будут-с. *(Оценивает Ленкин наряд.)* Под Наташу Ростову молотишь?

Ленка. Нет. А что, похожа?

Виктор. Вылитая Натали!

Ленка. Сам-то кем будешь?

Виктор. Разрешите представиться... *(Дурашливо раскланивается.)* Аркадий Иванович Свидригайлов! Житель счастливой страны простодушных Иванов.

Ленка. Теперь вижу. Вылитый Свидригайлов!

Виктор. Реально похож? И сладострастно потирать ручонки не надо?

Ленка. А сладострастно – это как? Покажи!

Виктор. Увы! *(Разводит руками и убирает их за спину.)* Это для меня самое трудное в работе над ролью...

Сашка. А хотите анекдот в тему? Однажды поручик Ржевский сказал Наташе Ростовской очередную пошлость, после чего та вся в слезах прибежала к Пьеру Безухову...

Выходит Светлана, и Сашка замолкает.

Светлана. Начинаем! Сначала парад литературных героев, потом выступление и третий тур - общий вальс в финале. Все готовы? Пары выходят с интервалом в тридцать секунд, как только заиграет музыка...

Виктор. А что делать тем, кто вальс не умеет?

Светлана. А кто мне втирал, что хорошо танцует?

Виктор. Так я же не о себе беспокоюсь, а о тех, кто...

Светлана *(перебивает)*. Их проблемы! Руку мою возьми, тормоз! Вообще-то не я, а ты должен был предложить мне руку!

Звучит музыка и приглушенные аплодисменты. «Артисты» парами становятся в колонну, где Виктор и Светлана – четвертые.

Первыми на дефиле уходят Настя-«Дездемона» и «Отелло»-Сашка.

Виктор. Руку?! С превеликим удовольствием! *(Сгибает руку крендельком.)* И сердце?

Светлана. Давай! Я собираю разбитые сердца, как индеец скальпы. *(Берет Виктора под руку.)*

Виктор. Согласен. Мое разбитое сердце будет жемчужиной твоей коллекции.

Светлана. Не будет. И перестань трястись! И вид у тебя какой-то перекошенный...

На дефиле под аплодисменты уходят Валет и Ленка.

Виктор. Не перекошенный, а задумчивый. Стою вот рядом с тобой, весь из себя озабоченный: а что если Лешенька тебя приревнует и все такое?

Светлана. Не пытайся острить, Торопов, сейчас у тебя это плохо получается. Соберись, скоро наш выход.

Виктор. Помню. *(В сторону.)* «Так значит, выстрелишь, зверок хорошенькой?»

Уходят «Базаров, Евгений, сын Васильев» и «Анна Сергеевна Одинцова». Аплодисменты.

Светлана. Что ты там бубнишь?

Виктор. «Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалеи!»

Светлана. Не поняла?

Виктор. Потом поймешь. Может быть...

Светлана. Все! Наша очередь!

Затемнение.

Мелодия вальса звучит еще какое-то время и переходит в музыку, подходящую для Сцены II Акта V трагедии «Отелло, венецианский мавр».

Голос Сашки *(с характерным для дурной самодеятельности надрывом).*

О, сладкое дыханье! Правосудье
Само бы меч сломало пред тобой.
Еще, еще... О, будь такой по смерти!
А я тебя убью. Еще, последний раз...*

Голос Насти. «Кто здесь?!»

Голос Сашки. «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»*

**)В. Шекспир. «Отелло, венецианский мавр», перевод П. Вейнберга.*

Хлесткий удар и Настин крик. Хохот в зале. Сцена освещается.

В примерку влетает С а ш к а с обморочно закатившей глаза Н а с т е й на руках и опускает ее на пол. Вокруг суеются Светлана, «Бекки Тэтчер» и «Софья Фамусова».

Светлана. Где-то здесь был аптечка... *(Роется в ящиках шкафа.)* Нашла! *(Опускается на колени перед Настей и приводит ее в чувство склянкой с нашатырным спиртом.)*

Настя *(чихнув, приходит в себя и «убивает» взглядом удрученного Сашку).* Он душил меня по-настоящему! Кретин!

Сашка. Ну извини! Переволновался...

Настя. Переволновался?! Представляете, я, блин, лежу там вся такая, типа на ночь волосы расчесываю, а этот подходит и рычит: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» - потом бац мне пощечину и давай душить! Маняк недоделанный!!!

Сашка. Я думал, так по роли положено. Типа он ее сперва разбудить хотел...

Настя. Слова лучше учить надо! Там до «Молилась ли ты на ночь...» два раза мои реплики! Кого будить, если Дездемона уже разбуженная?! В смысле, еще не заспаятая...

С а ш к а. Зато уже отстрелялись! А то я, едва на сцену вышел, подумал: помру со страху...
В и к т о р. Ты верняк про «помру» подумал? Или о чем-то другом?
С а ш к а. Верняк. А ты о чем подумал?
В и к т о р. О памперсах. Даже не знаю, с чего бы вдруг именно памперсы на ум пошли...
С а ш к а. Зато я знаю. Давай, сбегая? У тебя еще минут пять до выступления, я успею!
Н а с т я. Я же говорю: кретин!
С а ш к а. Кто?
В и к т о р (*перебивает готовую ответить Настю*). Ну не я же!
С в е т л а н а (*Насте*). Ошибаешься. Их здесь два кретина!

Входят А л ь к а и «Б а з а р о в».

А л ь к а (*смеясь, цитирует*). «О друг мой, Аркадий Николаевич! Об одном прошу тебя: не говори красиво!» (*Замечает лежащую на полу Настю*.) Вы что, снова репетируете? На бис?
Н а с т я. Нет, это мы выясняем, кто из нас кретин.
С в е т л а н а. И сколько кретинов среди нас. (*Виктору*.) Следующие мы. Готов? Нет, все-таки зря я отказалась в паре с Лехой выступить! (*Вздыхает*.)

Затемнение.

Картина 6

Г о л о с В и к т о р а. Когда объявили наш выход, меня заколотило. И это был совсем не обычный актерский мандраж. Вернее, не только актерский. Просто я вдруг в полной мере испытал отчаяние измученного безнадежной любовью и темными страстями человека в его последней попытке найти хотя бы понимание в любимой девушке и прекрасно осознающего бесполезность этой попытки. И здесь я, идущий рядом с богиней моих грез в последний раз перед неизбежным и окончательным разрывом, от Свидригайлова ничем не отличался.

Освещается «сцена в школьном актовом зале» под небольшим углом. Сбоку дверь в гримерку, из которой в нужное время выходят на сцену «судари и сударыни». Ближе к «рампе» - стул с гнутыми ножками и узорчатой высокой спинкой.

*Выходит В и к т о р, останавливается и ждет, когда С в е т л а н а встанет рядом.**

*) реплики далее идут смешанные из закавыченных прямых или слегка перефразированных и сокращенных цитат из романа Ф. Достоевского и авторского текста. Отсюда такое большое количество кавычек и многоточий, мешающих читательскому восприятию и актерскому заучиванию текста, но Достоевский, думаю, того стоит. Ю.Л.

В и к т о р. «Пойдемте поскорее. Я не желаю, чтобы Родион Романович знал о нашем свидании... Он знает почему-то о моем к вам письме и что-то подразумевает... Чего вы боитесь? Извините, что я так грубо говорю. Сам я живу от жильцов. Софья Семеновна живет со мною стена об стену... Чего же вам бояться, как ребенку? Или я уж так страшен?»

С в е т л а н а (*слегка манерно*). «Хоть я и знаю, что вы человек... без чести, но я вас несколько не боюсь. Идите вперед. Софья Семеновна предупреждена?» (*Заученным перед зеркалом жестом поправляет накинутый на плечи платок*.)

В и к т о р (*как бы показывая взглядом и жестами убранство Свидригайловского номера*). «Позвольте справиться, дома ли [она]. (*Делает вид, что стучит в стену и прислушивается*.) Нету. Но я знаю, что она может прийти очень скоро. Заметьте эту дверь, она заперта на ключ. Вот там за дверью сидела [Софья Семеновна] и разговаривала с Родионом Романычем. (*Кладет обе руки на спинку стула*.) А я здесь подслушивал, и, уж конечно, мог узнать что-нибудь, как вы думаете?»

С в е т л а н а. «Вы подслушивали?»

Виктор. «Да, я подслушивал; теперь пойдете ко мне; здесь и сесть негде...» *(Делает вид, что пытается увести Светлану.)*

Светлана *(решительно отбрасывает его руку и достает из сумочки бумажный конверт).* «Вот ваше письмо! Разве возможно то, что вы пишете? *(Кидает конверт под ноги Виктору.)* Вы намекаете на преступление, совершенное будто бы братом. Знайте же, что я еще до вас слышала об этой глупой сказке и не верю ей ни в одном слове. У вас не может быть никаких доказательств. Вы обещали доказать: говорите же! Но заранее знайте, что я вам не верю! Не верю!..» *(Закрывает лицо руками.)*

Виктор *(наклоняется и поднимает конверт).* «Если бы вы не верили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули прийти одна ко мне? Зачем? Из одного любопытства?»

Светлана. «Не мучьте меня, говорите, говорите!»

Виктор. «...Он приходил к Софье Семеновне и сообщил ей полную свою исповедь. Он убийца. Он убил старуху-процентщицу, у которой закладывал вещи, и сестру ее, торговку по имени Лизавета... нечаянно. Убил он их обеих топором, который принес с собою...»

Светлана. «Этого быть не может! Быть не может, нет никакой, ни малейшей причины, никакого повода... Это ложь! Ложь!»

Виктор. «Он ограбил, вот и вся причина. Он взял деньги и вещи».

Светлана. «Да разве вероятно, чтоб он мог украсть, ограбить? Ведь вы его знаете, видели? Разве он может быть вором?»

Виктор. «Тут, Авдотья Романовна, тысячи и миллионы комбинаций. Разумеется, и я бы не поверил, если бы мне передали со стороны. Но своим собственным ушам я поверил...»

Светлана. «А угрызения совести? Вы отрицаете в нем высокое нравственное чувство?»

Виктор. «Ах, Авдотья Романовна, теперь все помутилось... Русские люди вообще широкие люди, широкие, но беда быть широким без особой гениальности... Вы очень бледны, Авдотья Романовна!»

Светлана. «Я эту теорию его знаю. Я читала его статью в журнале о людях, которым всё разрешается... Мне приносил Разумихин...»

Виктор. «Господин Разумихин? Статью вашего брата? В журнале? Есть такая статья? Не знал... Но куда же вы, Авдотья Романовна?»

Светлана. «Я хочу видеть Софью Семеновну. Куда к ней пройти? Пусть она...»

Виктор. «Софья Семеновна не воротится до ночи. Она должна была прийти, если же ее нет, то уж очень поздно...»

Светлана. «Ах, так ты лжешь? Я вижу... ты лгал... ты все лгал! Я тебе не верю!» *(Вырывается и кричит, заламывая руки и глазами делая Виктору какие-то знаки.)* «Не верю! Не верю!»

Виктор подходит ближе.

Светлана *(шепотом).* Стул подвинь, бестолочь!

Виктор *(торопливо придвигает стул, на который Светлана тут же «опускается без чувств»).* «Авдотья Романовна, что с вами, очнитесь! Мы его спасем, выручим. Хотите, я увезу его за границу? Все это от вас зависит, от вас одной! *(Хватает Светлану за руки с такой страстью, что она одергивает их, испугавшись его порыва по-настоящему.)* Вы... одно ваше слово, и он спасен! Я... я его спасу. Я возьму еще вам паспорт... вашей матери... зачем вам Разумихин? Я вас также люблю... Я вас бесконечно люблю. Дайте мне край вашего платья поцеловать, дайте, дайте!» *(Становится на колени, хватая Светлану за подол платья и судорожно всхлипывает, продавливая спазм в горле.)*

Светлана *(шепотом).* Не переигрывай!

Виктор. «Скажите мне: сделай то, и я сделаю! Я все сделаю. Я невозможное сделаю. Чему вы веруете, тому и я буду веровать. Я все, все сделаю! Не смотрите, не смотрите на меня так! Знаете ли, что вы меня убиваете...» *(Встает и отворачивается.)*

Светлана (*стучит кулачками в воображаемую дверь*). «Отворите! Отворите дверь!»

Виктор. «Там никого нет дома. Хозяйка ушла, и напрасный труд кричать: только себя волнуете понапрасну».

Светлана. «Где ключ? Отвори сейчас дверь, сейчас, низкий человек!»

Виктор. «Я ключ потерял и не могу отыскать».

Светлана. «А? Так это насилие!»

Виктор. «Вы сказали «насилие», Авдотья Романовна... Софьи Семеновны дома нет, до Капернаутовых пять запертых комнат... Да и не поверит вам никто: ну, с какой стати девушка пошла одна к одинокому человеку на квартиру?»

Светлана. Подлец!

Виктор. Подумайте [лучше] об этом; судьба брата и матери в ваших руках. Я же буду ваш раб... всю жизнь... я вот здесь буду ждать...» (*Сгорбившись, садится на стул.*)

Светлана «дрожащей» рукой достает из сумочки револьвер и направляет его на Виктора.

Виктор. «Ага! Вы мне чрезвычайно облегчаете дело сами, Авдотья Романовна!»

Светлана. «Смей шагнуть хоть один шаг, и, клянусь! я убью тебя!»

Виктор. «Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький. Ну и стреляй!» (*Встает и делает шаг в ее сторону.*)

Светлана, зажмурившись, спускает курок, раздается выстрел, и Виктор дергает головой.

Виктор (*коснувшись волос руками и, словно бы рассматривая на пальцах кровь, смеется*). «Укусила оса! Стреляйте еще, я жду!» (*Делает еще один шаг вперед.*)

Светлана (*умоляющим голосом*). «Оставьте меня! Клянусь, я опять выстрелю... Я... Я убью!» (*Вновь направляет на него револьвер.*)

Виктор. Так значит выстрелишь, зверок хорошенькой?! Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалеи! (*Делает еще шаг вперед.*)

Светлана отбрасывает револьвер и закрывает лицо руками, не забыв при этом красиво потряхнуть головой и изогнуть руки в локтях.

Виктор. «Бросила!» (*Медленно подходит к Светлане и обнимает ее и говорит тихо, обращаясь только к ней.*) Я люблю тебя, Светлана. Прости, я знаю что зря, но я очень сильно тебя люблю... (*Сдерживается изо всех сил, чтобы не заплакать.*)

Светлана (*упирается кулачками ему в грудь, поднимает глаза и вздрагивает... Умоляющим тоном*). «Отпусти меня!»

Виктор (*отпускает ее, отшатывается, медленно скользя руками по ее рукам, пока ее ладони не остаются в его ладонях*). «Так значит не любишь?»

Светлана отрицательно качает головой.

Виктор (*с отчаянием*). «И... не сможешь?.. Никогда?!»

Светлана. «Никогда!»

Виктор (*выпускает ее ладони, отворачивается. Медленно достает из кармана ключ и, передает его Светлане*). «Уходите. Скорей!»

Раздаются приглушенные аплодисменты, но сразу обрываются, потому что Виктор продолжает стоять, словно бы чего-то выжидая. Светлана, делая знаки Виктору, выходит на линию рампы для прощального поклона. Снова звучат аплодисменты и снова

тут же смолкают, когда Виктор медленно разворачивается - так, чтобы, обращаясь к залу, видеть замершую на «линии рампы» Светлану.

В и к т о р (криво усмехнувшись, декламирует, горько и пронзительно).

Так, значит, выстрелишь, зверок хорошенький?
Стреляй же! Ну?! Не медли, не жалеи!
И жизнь мою, как анекдотец пошленький,
Своей рукою зачеркни... Скорей!

Убей! Не жить тому, кто жить не хочет;
Мне Путь закрыт. Я мертв уже... почти.
Тот не живет, в чьих жилах гной клокочет,
В ком совесть выжжена, того уж не спасти.

Не правда ль, Дунечка, забавно мир устроен:
На всем лежит глумления печать –
Не в силах брат пожертвовать сестрою
И тем случайно убивает мать;

Сестра за брата на костер взойдет,
В постель с собою подлеца уложит,
Собой пожертвует и даже кровь прольет,
Но честь отдать развратнику не сможет;

Кто пьянствует, а кто в мечтах горит,
Себя уродуя в надуманных теориях,
Кто славы ищет, кто деньгой сорит,
Кто тело сушит в изоцренных оргиях –

Всяк для себя собою промышляет,
И всех веселее живется тому,
Кто не юродствует, а замышляет,
Как легче себя самого обмануть.

Я не сумел... Не смел в любовь я верить,
И думал, что любви нет на земле,
Но, променяв ее на похоть зверя,
Я человека тем убил в себе.

О чем жалеть мне на краю могилы?
(Мне смерть страшна, но путь один остался
мне - умереть: я Господа отринул,
когда в разврате дьяволу предался.)

И если вдруг *сподобиться* - и жить,
Чтоб только *жить*, и мучиться напрасно?
И злобой душу ближних отравить,
Опошлив в них любой порыв прекрасный?!

Ну и дела... Такого поворота,

Признаюсь, я не ожидал вовек...
Я сам покончу с этим анекдотом –
Развратный, низкий, подлый человек!

В глазах темно, и я уже не рад,
Что рядом ты, а полюбить не можешь...
И будто слышу Голос: «Каин, где твой брат?»
И отвечаю: «Я ему не сторож!»

...Отмучено горе, отцежено сердце,
Ум гаснет в чаду подступившего бреда...
Прощайте же, Дунечка! Все переменится:
Я место очистил — в Америку еду-с!

(Снимает сюртук и, перекинув его через плечо, уходит не в гримерку, а на выход через зрительный зал.)

*Тишина взрывается аплодисментами, переходящими в бурную овацию.
Затемнение.*

Картина 7

В и к т о р *(выходит на освещенную авансцену).* Вот, собственно, и вся история. Победителями конкурса и королем и королевой бала стали Валет и Ленка. Я не в обиде: «Письма» Апухтина они прочитали здоровски, а назначить победителями пару, где один из участников изображал Свидригайлова, было бы, честно говоря, как-то стрёмно... Да и фиг с ним, с конкурсом. Мне важнее было... ну, вы поняли, что именно. *(Вздыхает.)* Прочее уже не имеет никакого значения. Разве что Достоевский... Ну и разве что еще разговор с Митричем после конкурса... *(Уходит.)*

Сцена освещается. Кабинет литературы.

*В и к т о р переодевается и убирает детали костюма Свидригайлова в рюкзак.
Неслышно входит и останавливается в дверях М и т р и ч, которого Виктор замечает не сразу, а, заметив, вздрагивает.*

В и к т о р. Извините, Максим, Дмитриевич, вы меня почти напугали.

М и т р и ч. Почти?

В и к т о р. Просто я в таком состоянии...

М и т р и ч. Понимаю. Не постесняюсь признаться: ты меня снова поразил, Торопов.

В и к т о р. Спасибо, Максим Дмитриевич. Просто одно на другое наложилось...

М и т р и ч. Догадываюсь, что именно. Тебе не позавидуешь, но когда-нибудь это станет одним из лучших воспоминаний в твоей жизни.

В и к т о р. Знаю, Максим Дмитриевич. Только сейчас мне от этого не легче.

М и т р и ч. Может, останешься? Дискотека вот-вот начнется, танцы-жманцы-обниманцы...

В и к т о р. Зачем? Ничего не изменится.

М и т р и ч. Тоже верно.

В и к т о р *(после короткой паузы).* «Танцы-жманцы-обниманцы...» Странно слышать такое от учителя литературы.

М и т р и ч. То есть и в твоём понимании я в устоявшийся в обывательском сознании обliko-моралес руссо маэстро не вписываюсь?

В и к т о р. Да уж. Такой разрыв шаблона...

М и т р и ч. О, мой юный падаван, про преподав иногда такой трешняк гонят – полный капец. Типа все мы слегка пыльным мешком пришибленные, не от мира сего и обязанные кому-то в качестве примера отсвечивать. От чего я, между нами, мальчиками говоря, тащусь и угораю. Потому как представление, что учителя далеки от реальной жизни – чистой воды фигня и полная лажа. Ву компрене, мой юный падаван?

В и к т о р. Компрене в натуре, Максим Дмитриевич! *(Смеется.)* Не только разрыв шаблона, но и когнитивный диссонанс... Это вы специально, чтобы меня развеселить?

М и т р и ч. Но ведь развеселил же?

В и к т о р. Есть немного.

М и т р и ч. Вот видишь, легче стало. *(После короткой паузы.)* «В глазах темно, и я уже не рад, что ты со мной, а полюбить не можешь... И будто слышу Голос: «Каин, где твой брат?» - и отвечаю: «Я ему не сторож...» Твои?

Виктор кивает.

А у меня в твои годы такое вот было... *(Декламирует.)*

Новый день настанет, и не повезет:
Лучший друг обманет, девушка уйдет -
Ерунда на фоне слов «Ветхого завета»:
«Все проходит, все пройдет, в том числе и это...»

В и к т о р. Суперские стихи.

М и т р и ч. Да нет, ничего особенного. Просто в нужное время вспомнились. С намеком.

В и к т о р. Я понял. Такой тонкий, ненавязчивый намек... Между нами, мальчиками, говоря.

М и т р и ч *(напевает, отбивая ритм ладонью на поверхности стола).* «Все проходит, все пройдет, в том числе и это...» Мы с пацанами с восьмого класса в школьной группе играли. Иногда свое, но чаще, понятное дело, чужое... Ты что-нибудь из песен Александра Непомнящего слышал?

В и к т о р. Не знаю такого.

М и т р и ч. А таких надо знать... Догадайся с трех раз, какие оценки у меня в школе по литературе были?

В и к т о р *(чувствуя подвох, неуверенно).* «Пятерки», какие еще?

М и т р и ч. С седьмого класса по первое полугодие десятого почти одни тройки.

В и к т о р. Почти?

М и т р и ч. В восьмом за третью четверть пару отхватил. Мы тогда как раз в клубе на танцах играть начинали.

В и к т о р. Ничего себе! И как же вы после этого в учителя?

М и т р и ч. А я исправился! Песенку однажды услышал, потом сам ее сыграл, сам спел и исправился. Того самого, Александра Евгеньевича Непомнящего. *(Напевает.)*

А мир какой-то замызганный, серенькой,
Его б подкрасить – денег нет краски взять.
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать...

В и к т о р. И что потом?

М и т р и ч. А потом я не только «Преступление...», всего Достоевского перечитал. И не только Достоевского. Дальше, думаю, ничего объяснять не надо?

В и к т о р. Не надо. Выходит, и между нами есть точка общая, Максим Дмитриевич?

М и т р и ч. Выходит, есть.

В и к т о р *(после короткой паузы).* Спасибо вам за этот разговор. *(Встает.)* Я пойду, Максим Дмитриевич?

М и т р и ч. Иди. Тебе о многом наедине подумать надо... Буэнос ночес, амиго! Про доклад не забыл?

В и к т о р. Никак нет, сеньор маэстро! *(Идет к выходу.)*

Затемнение.

*В темноте начинает звучать *«Песенка про Свидригайлова» ©А. Непомнящего, сцена освещается, и актеры выходят на поклон.*

**) Не авторское это дело - указывать режиссеру, какие песни и музыку в спектакле использовать. Только пьеса написана как поклон памяти и знак моей глубочайшей признательности Александру Непомнящему за название и саму идею этой пьесы. Ю. Л.*

Прощай-прощайте, дощатые простыни,
Гуляй, стаканчики с красным вином,
Симпатично зеленые чертики
И разговоры о чем-то святом.

Прощайте, глухо влюбленные девочки,
Пустые улицы вдаль без надежд,
На перекрестке внезапные стрелочки.
Кому домой, а нам, грешным, в объезд...

А мир какой-то замызганный, серенькой,
Его б подкрасить – денег нет краски взять.
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать!

И было все, аж порой повторялося,
А чего нет – не бывает вообще.
Рубашки гладили, в путь собиралися,
А оказалось - нас забыли в тюрьме.

И умер сторож, и лег выше крыши снег, -
Ведь как споешь, так и будет всегда.
И, как бумага, приелись в меню весь век
И Божий хлеб, и наша вина.

И кто-то ангелов кажет по телеку,
Но так светлы – нам уже не понять...
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать!

Давай устроим шикарные провода –
Красоток пухленьких яркий канкан.
Давай найдем неотложные поводы,
Сдадим бутылки и обыщем карман.

И пусть простит за невольные гадости –
Кисель вранья о прекрасных мирах,
Конфетки слез и ныне **больные** радости –
Мертвая девочка в белых цветах.

Руки попросит душонка в истерике,
Но ветка черная будет молчать.
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать!

Конец действия.

июль-август 2021 г.